

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Виктор Бабкин
**АБСЕНТ,
ИХОР
И ДРУГИЕ**

Виктор Бабкин

**АБСЕНТ,
ИХОР
И ДРУГИЕ**

Москва
«Советская Россия»
1983

Художник Е. К. Самойлов

Бабкин В. С.

Б12 Абсент, Ихор и другие. — М.: Сов. Россия, 1983. — 112 с.

Есть основания полагать, что лошадь впервые была приручена человеком за 7000 лет до нашей эры, и произошло это на территории Сибири. С тех далеких пор конь стал верным помощником людей. И вполне закономерным было рождение конного спорта.

Из книги читатель узнает о большой истории конного спорта, о соревнованиях всадников на античных и современных Олимпиадах, об успехах наших мастеров.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

4202000000—066 53—83
Б М-105(03)83

7Л7.5

© Издательство «Советская Россия», 1983 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сегодня, сидя, скажем, в уютном купе знаменитой «Красной стрелы», мы с трудом можем представить себе, что когда-то тот же путь от Москвы до Ленинграда, то есть до Петербурга, занимал не одну ночь, а несколько дней...

Да, именно так было в те времена, когда основным видом транспорта был конный. С развитием цивилизации он уступил место железнодорожному и авиационному, и теперь в экспрессах и лайнерах человек за несколько часов преодолевает расстояния, которые прежде занимали целые месяцы, а то и годы.

И тем не менее в наш век, век ракет и космических исследований, когда значение конной тяги сильно упало, когда лошадиные — в полном смысле этого слова — силы заменены миллионами сердец автомобилей и самолетов, человек сохранил свою любовь к коню. Только теперь изменилась главная роль, которую он играл в течение множества столетий, конь стал верным другом и помощником людей в спорте. По-прежнему популярны народные конные игры и состязания в верховой езде, на ипподромах проходят бега и скачки, и все большее развитие получают классические виды конного спорта, зародившиеся в далекие времена и получившие новое звучание в наши дни, когда они были включены в программу крупнейших соревнований современности — Олимпийских игр.

Именно в спорте сохранилось наше поклонение коню, верность ему и любовь к нему.

Конный спорт с годами получает все большее развитие. На Олимпийских играх 1920 года, например, выступали всадники всего восьми стран, сейчас же в ФЕИ (Международную федерацию конного спорта), основанную в 1921 году, входят национальные организации 76 государств!

Вполне возможно, что конный спорт был бы распространен еще более широко, если бы лошадь не стояла так дорого.

Только в нашем социалистическом государстве верящий силой может заниматься каждый, кто пожелает. Государство, профсоюзы практически бесплатно предоставляют лошадей тем, кто хочет заняться верховой ездой. В этой книге рассказывается об истории развития конного спорта в СССР и других странах, об олимпийских соревнованиях всадников, о лучших мастерах верховой езды и еще о многом, что связано с этим неповторимым видом спорта.

ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК ЧЕЛОВЕКА

Большее всего ценятся в лошади в наши дни породность и экстерьер. А когда-то человек, глядя на нее, думал вовсе не о красоте, а совсем о другом. Наблюдая издали (близко лошади не подпускали) за табунами этих четвероногих животных, мирно пасшихся на степных травах, но при первом же признаке опасности грозно ржавших и уносившихся вихрем в несусветные дали, он стал приходить к мысли: «Они такие быстрые, эти животные, мне за ними не угнаться. Они такие сильные, гораздо сильнее меня. А если я приручу их?..»

Но лошади не доверяли человеку. Стоило ему приблизиться к табуну, как дикие скакуны убегали прочь.

И все же человек победил. Он сумел-таки смирить гордый нрав и, не убоявшись ее зубов и копыт, подчинил ее своей воле. Отделив прирученную лошадь от ее диких сородичей крепкой деревянной оградой, человек стал обучать ее послушанию, покорности и использовать для своих житейских нужд. Историки полагают, что произошло это около семи тысяч лет до нашей эры.

Лошадь стала верным помощником людей, помощником буквально во всем — в близких и дальних переездах и перевозках, работах на пашне и в лесу, а также в ратном деле, потому что издревле разгорались споры за лучшие угодья, судоходные реки, плодородные земли и споры эти переходили в сражения.

Люди уже не могли обходиться без многогранной помощи этих добрых и сильных животных. Они стали их настоящими, преданными друзьями. То огромное значение, которое имела лошадь в жизни наших предков, нашло отражение в создаваемых ими культах и обрядах. Из истории мы знаем, что у древних славян существовал обычай — на могиле умершего богатого человека закалывали его любимого коня и закапывали рядом. Веря в загробную жизнь, люди хотели, чтобы и там оставался с ними верный помощник и друг.

Люди создали богов, ища в них защиту от стихийных

свои приношения, во время бед, постигших подданных, что они будут помогать им во всем. И богам нужно было не только поклониться, но и задобрить, принося им дары. У разных народов существовали свои традиционные жертвоприношения. Славяне посвящали своему богу Святовиту лошадь. Да, именно лошадь — белую, самую красивую и грациозную. Для этого при храмах держали по нескольку коней, «достойных седла богов».

Изменилась религия славян — они перешли от язычества к христианству, но отголоски их отношения к лошади, преклонения перед ней сохранились в новой религии. Покровителем домашних животных, оберегающим их от разных «напастей и скорбей», считался святой Георгий, изображавшийся на иконах сидящим верхом на коне в блестящих доспехах и ниспадающем почти до земли одеянии. Между прочим, и сегодня в программе некоторых международных соревнований по конному спорту сохранился розыгрыш приза «Сан-Георг» (святого Георгия).

О значении лошади в жизни наших предков, их любви к этому красивому животному говорят многочисленные сказания и былины, дошедшие до нас. Вспомним, например, былинку о Микуле Селяниновиче, у которого была кобылка соловенькая (туловище покрыто золотистыми волосами, а хвост и грива — белые. — В. Б.), умевшая и хорошо в поле работать, и, если надо было, резвым ходом идти... Или присказку о сивке-бурке, вещей каурке (каурая — караковая: все волосы лошади черные, но в некоторых местах коричневые пятна-подпалы)...

Надо отметить, что сивке-бурке в былинах отводится много места. В одной из них — «Дюк Степанович» — герою понадобился конь «не ради красы-басы да молодецкие забавы, а ради поездки богатырские», и вот какого он выбирает:

Выходил-то Дюк да на широкий двор.
На ту конюшню на стоялую,
выбрал коня да себе доброго,
коня доброго да пеезжалого,
выбрал он бурушка косматого,
да шерсть у бурушка по три пяди,
а грива у бурушка до трех локот,
а хвост у бурушка до трех сажен,
а хвост и грива до сырой земли,
хвостом следы да он спазмивает...

В былинах народ наделяет лошадь прямо-таки фантастическими качествами. Так, в «Илье Муромце и Соловье-разбойнике» сказано: «Его добрый конь да богатырский с горы на гору стал перескакивать, с холмы на холму стал перемахивать, мелко реченьки, озерка промеж ног спущал».

Лошадь обладает и даром речи. В былинке «Иван Гостинный сын» лошадь «произносит» целый монолог: «Гой еси, хозяин мой ласковый! Ни о чем ты, Иван, не печалуйся...» (и «обещает» все сделать для своего всадника и слово свое сдерживает).

Зато и цены богатырскому коню не было. «Своему-де я добру коню цены не знай, да я цены не знай бурку, не ведаю...»

Многие подвиги герои былин совершают с помощью своих могучих и умных, все видящих, все замечающих и все понимающих коней.

Одомашнив лошадь, люди стали бороться с ее родоначальницей — лошадью дикой, ибо она «вытесняла» прирученных человеком коней с пастбищ, дикие жеребцы отбивали у них самок. Откуда же было братья пополнению домашних лошадей? Ведь естественный прирост не всегда и далеко не полностью покрывал потери, вызывавшиеся и обыкновенной смертью лошадей от старости (а живут они по сравнению с человеком недолго), и гибелью их на ратном поле, и — самое страшное — от моровых болезней, пожаров и прочих бед, преследовавших тогда человека.

И выход был найден: стали разводить лошадей, выделяя из поголовья лучших на приплод. Этих животных и кормили хорошо, и больше оберегали, особенно кобылиц, окружали всяческой заботой молодое поколение, помня о том, что оно — залог обеспеченного будущего. Недаром появившееся со временем слово «князь» происходит от «конь-язь», то есть «имеющий коня»...

О том, что уже в Древней Руси существовала такая отрасль народного хозяйства, как коневодство, мы узнаем из некоторых письменных документов наших феодальных государств и крупных княжеств: Киевской Руси (IX—XII), Новгорода Великого (XII—XV), Ростово-Суздальского, Московского княжеств и других. Разводить лошадей старались как можно больше, потому что и требовалось их все больше в связи с необходимостью

...иногда — от бражских захватчиков. Причем вы-
водили коней для разных целей — обозных («подвод-
ных»), иловых («сумных») и верховых — скаковых
(«скоковых»). Это уже было в какой-то степени и началом
того, что сейчас мы называем породностью.

При царе Иване III (1462—1505) была создана пер-
вая «государева» конюшня в селе Хорошево (около Мо-
сквы), что практически означало появление в России
коннозаводства.

Профессор В. Калугин пишет в своей работе, посвя-
щенной тому периоду, что в 1496 году в Москве при цар-
ском дворе был организован Конюшенный приказ (Ко-
нюшенное ведомство), который ведал разведением и со-
держанием государственных лошадей. На должность
руководителя этого приказа назначались родовитые бо-
яре (вот она — важность и значительность количества
конского поголовья в стране! — В. Б.). Так, первым рус-
ским конюшим был И. Челядин. Он был «первый боя-
рин и чином и честию», потому что конюший боярин был
выше дворецкого и пользовался большой властью при
царском дворе. Конюшенный приказ имел даже свой
стяг — флаг.

Начиная с XVII века в Конюшенном приказе было
до 350 (!) служащих. Кроме конюшего боярина, ясель-
ничего, дьяков и подьячих, были еще конюхи (стад-
ные, стремянные и задворные), кузнецы, шорники и дру-
гие. Также имелись в приказе коновалы, коновальные
мастера и подмастерья.

В 1705 году Конюшенный приказ был преобразован
в Конюшенную канцелярию, что еще более укрепило и
возвысило его авторитет в государстве.

Об огромном внимании в стране к лошадям можно
судить также по тому, что, наряду с Конюшенным при-
казом, сохранением государственного конепоголовья
(«государевых коней») и контролем за правильным его
содержанием и кормлением занимался Тайный приказ,
подчинявшийся непосредственно царю.

...Еще и по сей день в Москве есть Ямские улицы.
Их название происходит от старинного Ямского при-
каза, созданного еще в 1516 году для транспортировки
«служилых» людей и грузов на лошадях. Основание при-
каза, а вместе с ним появление знаменитых ямщиков
открыло целую новую эпоху в жизни русского народа.

Сколько преданий, рассказов, песен посвящено было
впоследствии ямщикам!

Это было действительно грандиозное начинание! По
всей России раскинулись так называемые ямские стан-
ции, на которых специальные служители — смотрители
держали свежих лошадей для особо срочных перевозок
и прежде всего царских фельдъегерей, там можно было
перекусить и переночевать, если было не к спеху или
если тебе не хватило коней, поскольку ты — не «самый-
самый».

Словом, сфера применения лошадей все расширялась,
и оттого внимание к коневодству увеличивалось.

Первые конные заводы в России были основаны еще
в 1557 году, при царе Иване IV, когда боярин Шереме-
тев захватил 60 тысяч лошадей у крымского хана Дев-
лет-Гирея.

В XVII веке, в царствование Михаила и Алексея Ро-
мановых, имелось уже 13 государственных конюшен, а
к концу того столетия — 16. Они появились не только
в Москве и вокруг нее (Александровская, Бронницкая,
Хорошевская и т. д.), но и на реке Битюг, на Дону, в Ар-
хангельской губернии, в Сибири...

В этих царских конюшнях разводили как лошадей
лучших русских пород (кобылячьих), так и метисов (ар-
гамаков), получавшихся путем скрещивания местных ко-
был с породистыми жеребцами с Востока (арабскими,
персидскими и т. д.). С этой целью по распоряжению
Конюшенного приказа ежегодно из Астрахани и Казани
пригоняли в Москву на продажу татарские и ногайские
(калмыцкие) табуны численностью от 30 до 50 тысяч го-
лов. Из них для царских конюшен, «про царский обиход»,
отбиралось 5—8 тысяч лучших скакунов.

Кроме того, тот же Конюшенный приказ посылал
дьяков и опытных конюхов-коневодов на ярмарки в раз-
личные города страны, где они выбирали и покупали вы-
ездных и рабочих («пашенных») лошадей отечественных
и иностранных пород. Вновь приобретенных «государе-
вых лошадей» таврили и регистрировали в особых кни-
гах, в которых подробно записывали, каков пол коня,
возраст, приметы.

Бурное развитие отечественное коневодство и конно-
заводство получило при Петре I.

Преобразования Петра коснулись всех сфер жизни

России задумав создать могущественное абсолютистское государство. Российскую империю, — он основательно реорганизовал государственный аппарат, укрепил центральную государственную власть, провел многообразные реформы, создал регулярную армию и флот. Без сильной, хорошо обученной и оснащенной армии Петр не мог вести длительные войны с Турцией и Швецией за выход к берегам Азовского и Балтийского морей, утверждать авторитет России на международной арене. С юных лет, в течение всей своей жизни он уделял особое внимание военному делу в стране. Многие его реформы по организации и укреплению армии, в частности создание гребенских полков, легкого корпуса с легкой артиллерией и другие, — требовали огромного количества лошадей.

Но не только для армии, лошади были нужны повсюду: страна воевала, строила, передвигалась. И надо было делать все это быстро: торопил царь, торопило само время — то была эпоха колоссальных, невиданных прежде преобразований.

И вот по приказу Петра создаются конные заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях, в Астрахани, лихорадочно продолжается разведение купленных лошадей и одновременно выводятся новые отечественные породы. Думая в первую голову об армии, Петр не забывает и об «обывателях», которым вменяет в обязанность улучшать существующие виды лошадей (ведь лучшие были сосредоточены у царя, бояр, монастырей). Для практического выполнения этого указа в Архангельск и на берега Оби были доставлены выносливые эстонские кони, которые должны были дать крепкое потомство от местных кобылиц.

Благодаря неустанным заботам Петра о русской армии, она стала сильнейшей в Европе. В регулярных войсках было почти двести тысяч человек, из которых около сорока составляла конница, в которую входили драгуны и казаки — донские, яицкие (с Урала), волжские, гребенские (терские), слободские, украинские. Во время первого азовского похода Петр I атаковал турок с помощью тысячи донских казаков, во время второго, когда Азов был, наконец, взят русскими, к армии Петра присоединились уже 5000 донских, 15 000 украинских, 500 волжских и яицких казаков.

Свою роль сыграла конница и в знаменитой битве под Полтавой. Помните у Пушкина:

Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.

В допетровские времена в мирные дни казаки занимались охотой и рыболовством, а драгуны — землепашеством, проводя лишь учебные сборы. При Петре, в отличие от казаков, драгуны стали государственными служащими и ограничили свои жизненные интересы военными. Вполне понятно, что в результате этого намного выросла их боевая подготовка. Да и вооружены они были лучше, чем конники большинства других стран. У русских драгун были палаши, ружье и два пистолета. Атакуя противника на галопе и настигнув его, они переходили на холодное оружие. Словом, умели воевать и в конном, и в пешем строю, а тогда это считалось передовой тактикой в армиях.

Понятно и то, что для того, чтобы стать столь разносторонним воином, нужно было многому учиться. И меткой стрельбе, и владению палашом, и, конечно, искусной езде верхом.

И тут нужно отметить очень важную деталь. Можно сказать, что начало конному спорту положили кавалеристы. Они выступали поначалу сомкнутым строем, большими отрядами, и, чтобы не сбить ряды, четко действовать всем вместе, приходилось учить лошадей быть «собранными», двигаться по первому же сигналу-команде всадника, так же мгновенно останавливаться, переходить с шага на рысь или галоп, а все это — элементы нынешней программы выездки. Ну, а преодоление на скаку различных препятствий и скачки по холмам, бездорожью, через реки и болота — это уж прямо сегодняшние конкур и троеборье. Недаром прообразом последнего был конный пентатлон, или, еще точнее, милитери, то есть военные испытания.

При Петре I верховая езда еще ближе стала к конному спорту. Царь выпустил руководство «для имеющих охоту бегать на резвых лошадях взапуски или в заклад», то есть на спор: кто победит, кто придет к финишу раньше всех. В общем, символичен и вполне реалистичен поэтому памятник Петру I, созданный в конце XVIII

посыл скульптором Э. Фальконе, знаменитый «Медный всадник», о котором Пушкин писал:

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Дело, начатое Петром, продолжалось в последующие годы. Новый толчок развитию коневодства в стране дала Отечественная война 1812 года. Чтобы залечить раны, нанесенные ею, был создан Государственный комитет коннозаводства, поощрявший и создание частных конных заводов. К середине этого столетия таких заводов в России было уже около девятисот. Улучшились породы лошадей, а по количеству их к концу века Россия вышла на первое место в мире. По данным 1895 года, из 60 миллионов голов лошадей, насчитывавшихся в мире, 25 миллионов было в России, так что она вывозила их за границу.

Росло и увлечение конным спортом, любовь к которому, и прежде всего к лихим скачкам, можно сказать, в крови русского человека. Из исторических источников мы узнаем, что еще в средние века состязания верхом были столь же популярны в стране, как и кулачные бои. Об этом свидетельствуют, в частности, слова венецианца Амвросия Костарини, который увидел и описал конные праздники-ристалища, устраивавшиеся на льду Москвы-реки «для увеселения народа и торговых гостей».

Из тех же достоверных источников мы узнаем и о том, что в 1766 году в России (в Петербурге) были организованы конные карусели и турниры. Эти состязания состояли «из парада, фигурной езды, кадрили, боя в конном строю на копьях и палицах, состязаний в различных упражнениях». В конце турнира всадники под музыку демонстрировали красивые движения лошадей. Как пишет известный знаток коннозаводства В. О. Витт, «заключительным аккордом была так называемая ла фола итальянско-испанской школы. Всадники под звуки музыки вели своих лошадей искусственно замедленными, каденцированными аллюрами и темпами, заставляя их следовать меняющимся мелодиям и ритмам».

Создавали и развивали конноспортивные традиции, как уже отмечалось, в основном офицеры-кавалеристы. Именно они первыми в стране овладели искусством пре-

одоления препятствий, выездки лошадей и скачек на различные дистанции, из которых одной из самых популярных был так называемый «русский стипль-чез» (скачка на многокилометровое расстояние, заставленное десятками различных препятствий). Это соревнование впервые было устроено специально для офицеров в 1872 году в Красном Селе под Петербургом (одном из мест пребывания царской семьи).

До Великой Октябрьской социалистической революции верховая езда вообще, и конный спорт в частности, так и осталась увлечением аристократии, хотя народные соревнования верхом были широко распространены в стране (одно из них описывает, например, В. Я. Шишков в известном романе «Угрюм-река»). Но это не было чем-то удивительным: такая картина наблюдалась и в других странах (подчеркнем еще раз: конный спорт и был рожден армией, кавалеристами). Хуже то, что при подготовке наездников в русской армии впоследствии пошли по пути далеко не самых передовых для того времени конноспортивных школ и направлений. Так, в 1910 году в русские воинские уставы как обязательная была введена система Д. Филлиса, основой которой была суровая дрессировка лошадей. В то же время в других странах уже была распространена передовая школа Ф. Каприлли, использовавшая в своей основе естественные движения животных.

Тем не менее в России было немало искусных всадников. Они добивались успехов и на международных соревнованиях. В частности, русские конкурсты трижды выигрывали главный приз на турнирах в Англии в 1911—1912 годах.

Но, конечно, не эти спорадические достижения послужили основанием для того, чтобы царское правительство решило впервые послать свою команду на V Олимпийские игры, которые состоялись в 1912 году в Стокгольме. Главным было то, что вершители судеб тогдашней России хотели признания ее в качестве великой державы и в спорте, который становился все более популярным в мире. Император и его близкое окружение, пресыщенное почестями национального масштаба, жаждали теперь олимпийского, всемирного триумфа.

И начались громкие и затяжные приготовления к первым для русских олимпийцев играм, приготовления, в хо-

де которых надеялись предусмотреть все возможное и невозможное, но из-за отсутствия серьезного опыта и бюрократической волокиты дело скрипело и всячески тормозилось.

Лишь в 1911 году в России был создан Национальный олимпийский комитет, без чего нельзя было участвовать в Олимпиадах, хотя российский представитель был членом Международного олимпийского комитета со дня его образования, с 1894 года. НОК России возглавили, естественно, представители знати, в частности барон Мейендорф, граф Рибопьер, барон Виллебрант и другие.

Планы были грандиозные. Прежде всего решили выступить по полной олимпийской программе, как только Швеция, Дания и Норвегия. С этой целью наметили послать в Стокгольм 169 спортсменов, в том числе конников. Это были все без исключения кавалеристы, офицеры царской армии, и среди них великий князь Дмитрий Павлович, полковник фон Шредер, штабс-ротмистр фон Эксе, князь Чавчавадзе, штабс-капитан Селихов и другие.

Конники других стран уже были в Стокгольме, а в России все еще проводились так называемые контрольные соревнования. Но руководители русской олимпийской делегации считали, что все идет нормально. Они верили в предстоящий успех, надежду на который подкрепляли и некоторые шведские газеты, прочитавшие атлетам России... первое место. А что говорить о русских газетах и журналах! Все они почти единодушно и убежденно полагали, что в ряде видов спорта, в том числе конном, олимпийцы принесут стране славу. Даже в целом менее радужно настроенный популярный тогда журнал «Русский спорт» писал о конниках: «В общем, судя по записи, Россия действительно представлена группой лучших своих наездников-джентльменов, и конские (в то время выражались именно так) олимпийские состязания — один из немногих отраслей спорта, где можно более или менее рассчитывать на успех представителей нашей родины».

12 июня, «после долгих сборов, тревог и ожиданий», как писали газеты того времени, русская делегация отправилась в Стокгольм. Она ехала на океанском судне «Бирма», принадлежавшем восточноазнатскому пароходству. Близко к корме под открытым небом были сооружены конюшни для лошадей. А вместе с «Бирмой» из

Петербурга в столицу Швеции вышла императорская яхта «Стрела», на которой выехал в Стокгольм официальный представитель России на V Олимпийских играх генерал-майор Воейков.

После нескольких дней пути спортсмены прибыли в Стокгольм. Начались соревнования, в которые включились и русские — легкоатлеты, борцы, стрелки, фехтовальщики, гимнасты, конники, а также представители других видов спорта. У каждого русского атлета был особый значок и унифицированный головной убор — соломенная шляпа с русской национальной лентой. Однако помпезная одежда не помогла добиться столь же бросающихся бы в глаза спортивных достижений. Разочарование — вот каким было главное чувство русских олимпийцев, и конников в их числе.

В программе состязаний всадников было тогда милитери, в котором могли участвовать именно кавалеристы, но русские конники в этом виде вообще не были заявлены, ибо познакомились с ним незадолго до Олимпиады. Они боролись за победу в соревнованиях по выездке и преодолению препятствий, однако и тут безуспешно. В турнире конкуристов неплохо стартовал подпоручик Измайловского полка фон Руммель, но на последнем препятствии — канаве с водой — упал и выбыл из борьбы.

Лишь в состязаниях по выездке, которая получила в России распространение ранее других видов, отличился русский ротмистр М. Екимов. Он умело управлял своим конем по кличке Тритончик. Этот чистокровный гнедой жеребец беспрекословно подчинялся хозяину и четко выполнял все его команды. Как и полагалось, Михаил Екимов полторы минуты ездил шагом, три с половиной — рысью и еще пять — галопом.

Закончил Екимов выступление под аплодисменты публики. Тем не менее арбитры дали русскому мастеру выездки невысокие оценки. В итоге Екимов занял лишь девятое место.

Соревнования конников закончились. Русские спортсмены не завоевали ни одной медали, совершенно не оправдав возлагавшихся на них надежд. Еще совсем недавно почти «уверенный» в их предстоявшем успехе теперь журнал «Русский спорт» горько сетовал: «О конских состязаниях лучше не говорить: они разочаровали

нас, привыкших в последнее время к победам в этой области» (имелись в виду уже упомянутые успехи русских конников в Англии).

Однако конники вовсе не стали исключением: на V Олимпиаде потерпела поражение вся русская команда в целом. Многочисленным олимпийцам России не удалось получить ни одной медали. В итоге общекомандного зачета Россия поделила 15—16-е места с Австрией.

Успехи пришли к нашим конникам-олимпийцам только в советское время.

ОТ ВТОРЫХ ДО ШЕСТНАДЦАТЫХ

Приручив лошадь, человек научился ездить верхом. Но трудно сказать, когда состоялись первые соревнования по верховой езде. Однако нет никакого сомнения, что произошло это очень давно. Из русского и зарубежного фольклора и литературы известно, как высоко ценилось во все времена искусство верховой езды. Историки полагают, что первые скачки, как и гонки на колесницах, были проведены в Персии за 2 тысячи лет до н. э. Конные состязания проходили и в Древней Греции со времен Троянской войны. И нет ничего удивительного в том, что на Олимпийских играх в Древней Греции наряду с победителями в гимнастических упражнениях, в кулачном бою и других состязаниях выявлялись сильнейшие в управлении колесницами и конных скачках. Специально для этих соревнований в восточной части Олимпии был построен ипподром длиной 790 м и шириной 336 м, центральная часть которого представляла собой великолепное сооружение из мрамора.

Первые олимпийские состязания в конном спорте состоялись в 680 году до н. э., были проведены заезды на колесницах, в которые были впряжены четыре лошади, — квадригах, затем программа пополнилась соревнованиями на бигах — колесницах, запряженных двумя лошадьми. Тем, кто управлял ими, предстояло промчаться 12 кругов по ипподрому (это слово тоже греческое: гиппос — лошадь, дремо — бег), причем возничий стоял, держа в руках хлыст и вожжи, концы которых обматывал вокруг талии. Стремясь к победе, участники развивали бешеную скорость, и колесницы нередко сталкивались. Не обходилось и без злого умысла: перевернуть колесницу соперника. Возничие вываливались из повозок и лишь с помощью вожжей могли взобраться обратно. Если же им это не удавалось, они перерезали вожжи ножом, всегда имевшимся у возничего за поясом именно на такой случай, и спасались бегством от разгоряченных коней, их копыт и колес повозок... Словом, скачки на колесницах были довольно опасным состязанием. Чтобы не под-

вергать себя риску, богатые владельцы конюшен выставляли под своим именем рабов, поэтому управлять колесницами стали в основном рабы.

Самые драматические события на дистанции разыгрывались у медной статуи, где состязающиеся на колесницах должны были делать поворот. Сталкиваясь при повороте на большой скорости, всадники и лошади получали тяжелые ранения, а то и погибали... История свидетельствует, что на Олимпиаде в 462 году до н. э. из всех стартовавших сорока возничих уцелел только один!

Несколько позднее (648 год до н. э.) в программу античных Игр вошли скачки верхом. Участники мчались на неоседланных конях два круга, перед финишем прыгивали на землю и бежали рядом с лошадью, держа ее за повод.

На Олимпийских играх победу присуждали не участнику конных состязаний, а владельцу лошади. Бывали случаи, когда владельцы лошадей вообще не приезжали на Олимпийские игры и становились чемпионами.

В связи с этим уместно вспомнить такой эпизод из Игр античности. В самом начале скачки кобыла по кличке Аура сбросила на землю всадника и продолжала мчаться вперед по кругу. И хотя лошадью уже никто не управлял, она правильно прошла всю дистанцию и, больше того, закончила бег первой. Аура принадлежала не упавшему с нее всаднику, а жителю Коринфа, которого называли чемпионом.

Конные соревнования были очень популярны в древнем мире. В них участвовали крупнейшие культурные и политические деятели. Среди знатоков и любителей конного спорта славились лошади из конюшен государственного деятеля и полководца Алкивиада. Известно, что в состязаниях на колесницах отличился отец прославленного полководца Александра Македонского — Филипп. Сам Александр слыл великолепным наездником. Умелыми всадниками считались Помпей и Юлий Цезарь.

Имена победителей Олимпиад древности заносились в почетные списки, и им торжественно вручалась оливковая ветвь. Тот, кто оказывался сильнейшим, прославлял не только себя лично, но и всю свою общину. Родиной многих олимпиоников (так назывались олимпийцы древности) была Спарта. Ее жители не раз побеждали в разных состязаниях, но чаще в беге на колесницах,

который был ими очень любим. В Афинах, напротив, больше ценили скачки верхом. Оттуда вышли многие победители Олимпийских игр в скачках, вот почему именно афиняне можно считать родоначальниками конного спорта в современном понимании.

Постепенно античные Олимпиады стали утрачивать свое значение, особенно с образованием империи Александра Македонского, и в 394 году н. э. император Феодосий запретил их проведение.

Только через много веков Олимпиады вновь привлекли внимание человечества. В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого столетия во всем мире возродился интерес к античности, к искусству Древних Греции и Рима, и стали раздаваться голоса о возрождении олимпизма.

Вначале возобновить Олимпийские игры пытались сами греки, получившие независимость в 1829 году. Они провели состязания по олимпийской программе, которые не имели большого резонанса, ибо в них не принимали участие спортсмены других стран. Только значительно позднее, в самом конце XIX века, Олимпийские игры отпраздновали свое второе рождение.

В конце XIX века бурное развитие капитализма приводит к расширению международных связей, в том числе и спортивных. Создаются первые международные спортивные союзы. Повышается мастерство спортсменов, лучшие представители спорта ищут возможности в обзоре опытом, непосредственном общении, личных контактах. Идея возрождения Олимпийских игр, выдвинутая французским педагогом Пьером де Кубертенем, попадает на благодатную почву.

По инициативе Кубертена в июне 1894 года в Париже состоялся Международный спортивный конгресс по обсуждению вопросов физического воспитания. В работе конгресса приняли участие представители тринадцати стран, в том числе России, на котором было принято решение возродить традицию проведения Олимпийских игр. Здесь же был создан Международный олимпийский комитет (МОК), руководящий орган международного олимпийского движения, в который вошел и представитель России. Генеральным секретарем МОК избрали Кубертена, и он оставался в этой роли до 1925 года.

По решению конгресса I Олимпийские игры состоя-

лись на их родине, в Афинах, в 1896 году. Они открыли счет крупнейшим соревнованиям современности. И до сего дня Олимпийские игры остаются самыми популярными, массовыми, интересными и волнующими международными состязаниями, победить на которых — заветная мечта каждого атлета. Результаты участников Олимпийских игр, ход борьбы на Олимпиадах всегда находятся в центре внимания мировой спортивной, да и не только спортивной, общественности.

Считают, во многих справочниках так и указывается, что конный спорт впервые был включен в программу современных Олимпиад в 1912 году. На самом деле это произошло на 12 лет раньше. Некоторые исследователи упускают из виду, что впервые олимпийские соревнования всадников были проведены в Париже в 1900 году. Правда, конноспортивные состязания на II Олимпиаде значительно отличались от нынешних: в программе значились скачка, прыжки в высоту и длину.

Критерием в скачке была, понятно, скорость, как и во все времена. Здесь все зависело в основном от лошади. Значительно возростала роль всадника в двух других видах соревнований — в прыжках, где для победы требовалась не только выносливость и тренированность коня, но и мастерство человека, сидевшего на нем. Первыми олимпийскими чемпионами по конному спорту в двух номерах программы стали бельгийцы. Один из них — И. Хагеман — победил в скачке, другой — Ван Лангендок — в прыжках в длину. Результат последнего был 3,6 метров 10 сантиметров.

Третьим чемпионом по конному спорту II Олимпийских игр стал француз Ж. Гардер, лошадь которого взяла самую большую высоту — 185 сантиметров.

III Олимпийские игры состоялись в 1904 году в американском городе Сент-Луисе. Надо ли говорить о том, насколько сложно было добраться до США в те дни спортсменам Европы да еще доставить туда лошадей. Вот почему в программе III Олимпиады соревнований по конному спорту не значилось. Лишь в так называемом троеборье (но вовсе не конном) олимпийцам приходилось садиться верхом. После прыжков в длину, поднимания тяжести они должны были проскакать на лошади расстояние в 1000 ярдов (примерно километр). Победа в троеборье присуждалась по наибольшей сумме набран-

ных участником баллов. С результатом 3537 баллов чемпионом в этом виде программы стал американец М. Эмрич. Его земляки заняли и последующие призовые места. Однако этот «американизированный» вид состязаний больше не был представлен ни на одних Олимпийских играх.

Не только на III, но и на IV Олимпийских играх в Лондоне соревнования «чистых» конников не проводились. Шведы настойчиво предлагали включить в программу Лондонской олимпиады соревнования по конному спорту, но англичане не согласились. И конечно, когда местом проведения следующих Олимпийских игр стала столица Швеции, хозяева Олимпиады использовали свое право ввести в программу популярный в стране вид спорта. В 1912 году в Стокгольме были в принципе представлены все те три главных вида состязаний мастеров верховой езды, которые считаются классическими, — конкур (преодоление препятствий), выездка и троеборье. Я говорю «в принципе», потому что впоследствии условия и правила этих соревнований неоднократно менялись, совершенствовались, уточнялись и дополнялись. Как, например, не было еще троеборья в чистом виде, в программе значились военные состязания, прообраз современного троеборья, их называли милитери, или пен-таллон эквестре (конное пятиборье).

Наиболее интересными были военные состязания. Участники здесь соревновались как бы в пять этапов: вначале совершали пробег на 55 км, включая пятикилометровый кросс, затем был стипль-чез (скачки с препятствиями), далее прыгали через барьеры и, наконец, показывали степень выездженности своих коней.

Блестящий успех сопутствовал наездникам Швеции: они выиграли командное и личное первенство в милитери — золотую медаль в личном зачете получил А. Нордландер, — заняли три первых места в соревнованиях по выездке и одержали командную победу в преодолении препятствий.

В отличие от милитери, где выступали только офицеры на строевых лошадях, к соревнованиям по выездке допускались и штатские лица. Зачет проводился только личный. От одной страны могли выступать не более шести всадников, включая трех запасных. Участникам давались на выполнение упражнений 10 минут: 1,5 минуты

на послушном, 3,5 — сокращенной и прибавленной рысью и 5 минут — на езду галопом. Еще 5 минут спортсмены получали на прыжки через препятствия, целью которых тоже было выявить степень подчиненности коня всаднику. Наконец, испытание на послушание лошади и успокоенности: конь должен был перепрыгивать через пугающие своим видом препятствия. Одно препятствие было высотой 80 сантиметров, два — по 1 метру, и последнее — 110 сантиметров, канава шириной 3 метра.

Что касается непосредственно выездки, то элементы высшей школы верховой езды в нее тогда не входили. По десятибалльной системе оценивались положение лошади на месте, шаге, рыси и галопе, посадка всадника, его одежда и мастерство управления конем, преодоление препятствий, умение всадника представить коня и заставить его подчиняться.

Третьим номером программы соревнований конников были «чистые» прыжки через препятствия, или конкур-иппик. К нему допускались как военные, так и штатские. В личном зачете от каждой страны разрешалось выставить не более шести человек (трое — запасные), в командном — сборную из четырех всадников (зачет по трем лучшим). Всего на старт вышли 33 конника-конкурриста.

Золотую медаль в преодолении препятствий выиграл французский наездник Ж. Каро.

В Стокгольме шведские спортсмены завоевали больше всех медалей не только в конном спорте, в неофициальном командном зачете они вышли на 1-е место, набрав 136 очков. Не останавливаясь на других видах спорта, должен отметить, что успех шведских наездников не случаен. В Швеции высоко ценилось умение сидеть в седле, управлять лошадью. В стране построено много манежей, тренировочных полей и площадок разных размеров, прокатных станций, где за плату можно научиться ездить верхом. А те, кто хотел совершенствоваться в искусстве верховой езды, мог поступить в специализированные школы.

Но наиболее искусных наездников готовила армия. В те времена, когда кавалерия играла едва ли не основную роль в ведении войны и укреплении обороны государства, на подготовку всадников обращали особое внимание. Мастерству верховой езды обучали, конечно, и в

армиях других стран, но в шведской кавалерии система преподавания была одной из лучших, по-настоящему спортивной. Кавалеристы Швеции специализировались и в преодолении препятствий и в выездке, двух основных видах конного спорта, что и позволяло им успешно выступать в олимпийских состязаниях.

Одержав замечательную победу в 1912 году, шведы и на последующих Олимпиадах продолжали доказывать, что они сильнейшие в мире наездники, что их успех в Стокгольме совсем не случаен, опровергая голоса тех, кто утверждал, что им помогли «родные стены» и благосклонность судей. Действительно, пожалуй, ни на каких других Олимпийских играх не было подано столько протестов по поводу необъективного судейства, сколько на этих. Поток протестов вызвали соревнования борцов, фехтовальщиков, стрелков, теннисистов, возмущались и всадники.

Выступая в «чужих» странах, шведы еще не раз завоевывали золотые медали во всех трех видах конного спорта, но больше всего в троеборье и выездке, восхищая ценителей верховой езды высоким мастерством, грациозностью, великолепным умением подчинять себе лошадь. И их скакуны были под стать наездникам — красивые, сильные, выносливые, прекрасно выездженные.

Шутка ли: за недолгую историю современных Олимпиад шведские наездники выиграли 38 наград, из них 17 золотых!

Главными их соперниками на V как и на следующих Олимпийских играх были представители Бельгии и Франции, стран, где искусство верховой езды имеет давнюю историю. Как известно, еще в эпоху средневековья в этих странах устраивались конные ристалища, на которых рыцари соревновались в ловкости и умении маневрировать на лошади и быстро скакать. Среди классических работ, посвященных искусству верховой езды, следует отметить книгу француза Антуана де Пливинеля, написанную им в 1623 году, когда был студентом Неаполитанской высшей школы верховой езды. Позднее в Париже и других городах Франции и Бельгии стали проводить скачки на звание лучшего жокея.

Опять же во Франции (в Сен-Лежере) состоялись в 1777 году первые крупнейшие скачки, которые, кстати, проводятся там и по сей день. А спустя три года было

организованное зимнее дерби — ипподромное состязание на дистанцию 2400 метров трехлетних скаковых чистокровных лошадей. (Кстати, знатоки уверяют, что все существовавшие ранее и существующие ныне классные скакуны происходят так или иначе от трех жеребцов и пятнадцати «первоначальных» кобыл.)

Прошло восемь лет, прежде чем спортсмены смогли вновь встретиться на олимпийских стадионах. Тяжелая разрушительная война помешала провести VI Олимпийские игры, но не погасила горячего интереса к спорту. Как только стало известно, что столицей VII Игр решено сделать Антверпен, во многих странах началась активная подготовка к ним.

В Антверпене по-прежнему преимущество скандинавских спортсменов в классических видах конного спорта было неоспоримым. Шведские наездники выигрывали личные (Г. Морнер) и командное первенства в троеборье, все три медали в выездке и золотую медаль в командном зачете в соревнованиях по преодолению препятствий «охотничьего класса», как тогда именовался конкур.

Бельгийцы не смогли составить серьезной конкуренции шведам в классических видах, здесь они завоевали всего лишь одну медаль — бронзовую в командном зачете в троеборье. Но в других конноспортивных состязаниях они одержали блестящие победы. Игры в Антверпене знаменательны тем, что на них широко был представлен конный спорт. В программу, помимо классических видов, входили скачки на 50 и 20 км и вольтижировка — фигурная выездка, и здесь почти все золотые медали стали достоянием хозяев поля.

Как известно, ни одна Олимпиада не проходит без сенсаций. Не были исключением в этом плане и Игры 1920 года. На состязаниях конников такой сенсацией стала победа в скачке на 50 километров норвежца Э. Юхансена, представителя страны, в которой мало кто увлекается конным спортом.

Любопытны результаты победителей: Юхансен про скакал 50 километров за 3 часа 5 минут, а бельгиец И. Мисонне — 20 километров за 55,03 минуты. Как видите, резвость невысокая по нынешним понятиям.

Из девятиста конников, боровшихся за медали в семи видах конного спорта в Антверпене, в число призеров

уверенно вошли и итальянцы. В соревнованиях по преодолению препятствий «охотничьего класса» чемпионом стал Т. Лекуо, сумевший пройти маршрут без единого штрафного очка. Серебряной медалью был награжден его земляк — А. Валерио, набравший 3 штрафных очка. В командном турнире трио конкуристов Италии, куда не входили ни Лекуо, ни Валерио, получили бронзовые награды.

Италия — страна гор, ее жители всегда славилась умением ездить на лошадях в труднопроходимых местах, искусством преодолевать подъемы и спуски, обрывы и расщелины. Это мастерство передавалось из поколения в поколение, что в немалой степени способствовало появлению в стране замечательных наездников и отличных лошадей, умеющих преодолевать сложнейшие препятствия.

Достижения всадников Италии так же закономерны, как шведов, французов и бельгийцев.

С давних времен в стране были популярны состязания по верховой езде. Итальянцы во многом способствовали прогрессу скачек и конкура, разработав правила их организации и проведения. Федерико Гризону принадлежит несколько книг о верховой езде, он же создал специальные учебные заведения, привлекавшие в свои стены молодых людей едва ли не из всех стран Европы. Неаполитанец Пинателли, директор знаменитой в Италии в XVI веке школы верховой езды — первой конноспортивной «академии» в мире (впоследствии по примеру неаполитанской школы верховой езды появились в Версале, Мадриде и Вене, где в основном занимались дрессировкой лошадей), разработал особую методику тренировки всадников, причем отдельную для мастеров выездки и конкура. Он тщательно изучил и подготовил трактат по определению качеств лошадей, которые они должны иметь для специализации в разных видах конного спорта. Считалось, например, что лошадь для выездки должна быть красивой внешне, грациозной в движениях, мягкой по характеру и восприимчивой к командам человека (кстати, все эти качества ценятся в выездке и поныне). Лошадь для скачек, по убеждению Пинателли, должна была обладать прежде всего такими качествами, как скоростная выносливость, а лошадь для конкура — быть крепкой и сильной. Во всех же видах,

бы в их выполнении, подчеркивал он, большую роль играют искусство движений человека и лошади, внешний их вид, мастерство всадника и степень взаимодействия, взаимопонимания, если можно так сказать, и с его четвероногим помощником.

Итальянец Федерико Каприлли (1868—1907) стал основоположником нового, «естественного» метода преодоления препятствий, получившего признание во всем мире. До этого практиковалась в основном дрессировка лошадей, которой особенно прославился Джеймс Филлис (1834—1913).

И первая конная «библия» — книга «Школа кавалерии» — появилась в Италии (ее автор — монсеньор де ла Гверниере).

Не случайно хорошо выступили на VII Олимпиаде и итальянские троеборцы, завоевав призовые места. Новые фавориты в Антверпене сказали свое «громкое слово» и продолжали закреплять свой успех на следующих Олимпиадах.

1921 год стал важной вехой в истории конного спорта. В Лозанне, в мае этого года на конгрессе МОК была утверждена Международная федерация конного спорта (ФЕИ), которая сразу же занялась решением его насущных проблем. Прежде всего надо было четко определить программу состязаний конников VIII Олимпийских игр. В нее внесены были такие, например, изменения: в манежной езде у троеборцев из программы исключили очень сложное упражнение — «перемену ноги на галопе в воздухе».

Полевые испытания стали проводиться в один день, общую их дистанцию сократили до 36 километров. Но зато все этапы участники должны были проходить без остановок. Количество препятствий в троеборном конкурсе уменьшили до двенадцати. В розыгрыше Приза наций (чистое преодоление препятствий) число барьеров довели до шестнадцати, минимальную их высоту установили в 1 м 25 см, а максимальную — в 1 м 40 см.

Французы, получившие право на проведение Олимпиады в Париже из шести претендующих на это городов, приложили немало сил, чтобы не ударить в грязь лицом. Новый, прекрасный стадион на 62 тысячи мест был готов в срок к принятию гостей. В Париж съехалось рекордное количество спортсменов — 3092 человека из

41 стран, рекордным было и число участников конно-спортивных состязаний — 18 стран прислали на них своих представителей. Естественно, что это обострило конкуренцию на олимпийской арене. В борьбу за медали вступили всадники Голландии, Швейцарии, США, Великобритании и другие. Однако шведы еще крепко удерживали свои позиции, они завоевали три высшие награды: в выездке в командном и личном зачете и в конкуре в командном.

Но не меньшего успеха добились на этих Играх голландцы, выиграв две золотые и одну серебряную медали в троеборье, ярко и убедительно доказав, что отныне они становятся грозными соперниками шведских всадников на международной арене.

II следующие Игры подтвердили обоснованность признаний троеборцев Голландии на олимпийское первенство. На соревнованиях 1928 года у себя дома голландские всадники А. ван дер Воорт, Ф. Пауд де Мортангес и Е. де Крифф вновь одержали победу в троеборье, только в индивидуальном зачете золотой медалью теперь был награжден Ф. Пауд де Мортангес.

Отметим, что программа в 1928 году опять корректировалась: время манежной езды в троеборье было расчитано ровно на 11 минут, максимально возможная сумма баллов стала 300. Трасса полевых испытаний делилась на следующие отрезки: дороги и тропинки — 7 км (скорость движения — 240 м в минуту, норма времени — 29 минут 10 секунд, стипль-чез — 4 км (600 м в минуту, 6 мин. 49 сек.), снова дороги и тропинки — 15 км (240 м, 1:230), кросс — 8 км (450 м, 17.46) и гладкая скачка — 2 км (333 м, 6 мин.).

Значительного успеха добились немцы, выигравшие первые места в командном и личном зачетах в состязаниях по высшей школе верховой езды. Это достижение было не случайным. Представители Германии и впоследствии оказывались в числе лучших конников мира.

На IX Олимпиаде впервые в истории стали олимпийскими чемпионами (в розыгрыше Приза наций) спортсмены Испании, где, так же как и в Италии, был хорошо развит конный спорт, особенно конкурный. Правда, повторить этот успех испанским всадникам еще не удалось.

Шведские конники в Амстердаме завоевали лишь несколько призовых мест. Интересно, что почти с теми

же результатами выступали они и на X Олимпиаде в Лос-Анджелесе (США) в 1932 году. Здесь шведы также заняли несколько вторых и третьих мест и ни одного первого. Для шведов это было «черное» время, «золотым» оно оказалось для других.

Лучше остальных участников выступили в Лос-Анджелесе французские конники. В состязаниях по выездке они выиграли обе золотые медали. Сумел удержать звание олимпийского чемпиона в троеборье голландец Ф. Пауд де Мортангес, но команда его страны уступила первое место представителям США, которые стали призерами во всех видах конноспортивных состязаний. Однако это еще не говорило об их силе, ведь далеко не все лучшие конники мира смогли приехать на далекий Американский материк, а наездники США выставили максимальное количество участников.

В состязаниях по преодолению препятствий победителем неожиданно вышел японец Т. Нинси. Это было почти необъяснимо, поскольку в Японии конный спорт далеко не так развит, как в других странах.

Последними Олимпийскими играми перед второй мировой войной были XI, проведенные в Берлине. В 1936 году в Германии уже поднял голову фашизм, и спортсмены земного шара решили сначала собраться в Барселоне, но по многим причинам сделать это не удалось. Олимпиада состоялась в Берлине.

Многие спортсмены отказались приехать в фашистскую Германию. Зато сами немцы решили выступить на Олимпиаде с возможно большим блеском и потому выставили максимальное количество участников. Свое намерение им удалось в значительной степени претворить в жизнь. Самого большого успеха они добились, несомненно, в конном спорте, в состязаниях по которому завоевали все без исключения золотые медали. Они стали олимпийскими чемпионами в личном и командном зачете и по выездке, и по троеборью, и по преодолению препятствий.

Это было поистине беспрецедентное событие. История современных Олимпийских игр не знает больше подобного результата. Да это и понятно: чтобы одержать победу во всех видах программы по конному спорту, нужны особые обстоятельства, которые и сложились для команды Германии в 1936 году.

Немецкие всадники всегда считались опасными соперниками, они завоевали немало высоких наград на крупнейших международных соревнованиях, в том числе на Олимпиадах. Но результат немецкой команды на XI Олимпийских играх, несомненно, не соответствовал реальной силе и мастерству ее спортсменов.

Целых 12 лет миновало после Берлинской олимпиады, прежде чем сильнейшие спортсмены мира вновь собрались на крупнейшие международные состязания — Олимпийские игры. Их встречам помешала вторая мировая война, охватившая большинство государств земного шара. Но пожар войны погас, и в 1948 году в Лондоне вновь взвился в небо белый олимпийский флаг.

Олимпиада в Лондоне считалась XIV, так как счет Олимпийским играм ведется не по фактически проведенным, а по количеству четырехлетия, прошедших с 1896 года — года возрождения древней традиции.

Много изменений произошло в мировом спорте после 1936 года. Спортсмены одних стран ослабили свои позиции, спортсмены других, напротив, упрочили. Так было и в конном спорте. В ряды сильнейших выдвинулись наездники ряда американских стран, в частности Мексики, а также европейских — Португалии, Швейцарии, Великобритании. Вновь повышают свои результаты всадники Франции и Швеции. Продолжают играть ведущую роль в троеборье конники США.

Такую расстановку сил в верховой езде подтвердили конноспортивные соревнования XIV Олимпиады. В состязаниях по выездке лучшие других выступали команда французов, а в личном зачете — швейцарцы. Большой приз наций в обоих видах зачета выиграли мексиканцы, значительно повысившие внимание к конному спорту после 1940 года. В троеборье победила команда американцев, в личном зачете — француз Б. Шевалье.

По-иному сложилась борьба на следующей, XV Олимпиаде, проходившей в столице Финляндии — Хельсинки. Эти игры знаменательны тем, что в них впервые участвовали советские спортсмены, добившиеся к 1952 году по многим видам спорта выдающихся успехов. Их выступление на Олимпийских играх открыло новую эру в современном олимпийском движении, внесло невиданную доселе остроту в ход спортивной борьбы.

Советские спортсмены показали высокое мастерство.

На XV Олимпиаде они завоевали 38 золотых, 53 серебряные и 15 бронзовых медалей. Блестяще выступили пловцы, легкоатлеты, гимнасты, борцы, штангисты, гребцы, стрелки, баскетболисты и представители других видов спорта. Но этого нельзя сказать о советских конниках. Они участвовали в состязаниях по всей программе, ставшей постоянной после Амстердамской олимпиады: троеборье, выездка, преодоление препятствий. Какие же результаты показали всадники СССР?

Троеборцы не смогли даже получить командного зачета. Непреодолимым оказался для них кросс. Единственным дошедшим до финиша всадником был В. Куйбышев, которому досталось в личном зачете лишь десятое место.

В состязаниях по выездке команда СССР заняла седьмое место. Личные места распределились следующим образом: В. Распопов был восемнадцатым, В. Тихонов — двадцать третьим, а Н. Ситько — двадцать четвертым.

Самое последнее, четырнадцатое, место заняли советские конники в розыгрыше Приза наций. Лучший из них — М. Власов оказался на сорок третьем месте, Н. Шеленков — на сорок шестом и Г. Буденный — на сорок седьмом.

Конечно, это были невысокие результаты, успехи советских всадников были еще впереди.

Подлинного триумфа вновь добились шведские конники. Они первенствовали в обоих видах зачета в двух номерах программы и только в конкуре «отдали» победу французу П. Д'Ориоля и команде Великобритании. Героем этих Игр стал Генри Сен-Сир, шведский кавалерист, продемонстрировавший высочайшее мастерство в выездке. Он внес большой вклад в успех команды своей страны, он же завоевал и личное первенство. Забегая вперед, сообщу, что Сен-Сир, как и уже упоминавшийся голландский троеборец Мортангес, получит на Олимпиадах 4 золотые медали!

В 1956 году впервые в истории Игр всадники проводили состязания отдельно от представителей всех остальных летних видов спорта. Они собрались в Стокгольме, тогда как все другие соревновались в Мельбурне.

Вызвано это было тем, что по австралийским законам все животные, ввозимые в страну, должны подвергаться шестимесячному карантину, а за полгода лошадь

неприменно «потеряет» спортивную форму, да и накладки содержать чужих лошадей столь долго...

Итак, в Австралии конники выступать не могли. Но изменить программу XVI Олимпиады было нельзя. Тогда решили дать всадникам возможность выступить отдельно от остальных. Где именно? По всеобщему согласию остановились на Стокгольме.

В конце мая — начале июня в шведскую столицу начали съезжаться всадники разных стран мира. Они первыми вступили в борьбу за золотые медали XVI Игр.

Торжественное открытие Олимпиады конников было назначено на 10 июня на 2 часа дня по местному времени. Но уже с утра на Королевский стадион, построенный специально для Олимпийских игр 1912 года, потянулись тысячи поклонников конного спорта.

Стадион, как и весь город, был празднично украшен. На его башнях развевались флаги 29 государств, направивших на Олимпийские игры своих конников.

Парад олимпийцев проходил на лошадях: все участники ехали верхом.

Согласно шведскому алфавиту первыми на зеленое поле стадиона выехали всадники США. Когда американская делегация поравнялась с правительственной ложей, где находились король Швеции Густав VI Адольф, специально прибывшая на Игры конников королева Англии Елизавета II и другие высокопоставленные лица, один из всадников упал. К чести американца, он проявил большую волю, быстро поднялся на ноги, успокоил лошадь и продолжил свой путь верхом вместе с остальными. Неприятная случайность испортила настроение верящим в приметы американцам, и печальные предчувствия не обманули их.

На другой день начались состязания троеборцев в манежной езде. Участников оказалось так много, что пришлось соревнование в этом виде растянуть на два дня.

Лидерство захватили троеборцы Англии, далее шли команды Объединенной команды Германии, Швеции, Советского Союза. В индивидуальном зачете после манежной езды впереди были немцы Отто Роте, Клаус Вагнер и англичанин Артур Рук.

В пригороде Стокгольма, Фебуде, прошло второе соревнование троеборцев — полевые испытания. Эта часть программы состязаний оказалась наиболее трудной. Уча-

стиппки должны были преодолеть дистанцию, состоявшую из пяти отдельных отрезков. Первый, длиной 7200 м, пролегал по проселочным дорогам, от всадника требовалось уложиться в определенное довольно продолжительное время. Более сложным оказался второй этап, или стипль-чез. Наездникам пришлось преодолевать трассу длиной 3600 м с 12 препятствиями высотой не более 120 см.

По проселочным дорогам скакали всадники и на третьем этапе, только он был длиннее первого — 14 400 метров. Четвертый отрезок — самый трудный — кроссовая дистанция. Трасса проходила большей частью в лесу, на ней было установлено 33 препятствия. При удаче всадник набирал здесь наибольшее количество положительных баллов и за «чистое» прохождение препятствий и за экономию времени.

И пятый этап был «успокоительным» — гладкая скачка на 2 км.

Кросс оказался камнем преткновения для многих участников: выбыли из дальнейшей борьбы финн Кари Толванен, испанец Сальгадо Доменгуэц, швед Йогани Аскер и представители других сильных команд. То и дело следовали закидки и падения, а о просрочке времени и говорить не приходилось... Нет, не случайно и спортсмены, и тренеры, и зрители, искушенные в конном спорте, единодушно и вполне справедливо утверждали, что такого сложного кросса для троеборцев, как в Фебуде, еще нигде не было (к тому же накануне прошел дождь, трасса размякла, и это увеличило трудность прохождения трассы). Чего стоило хотя бы одно из препятствий — под номером 22: это забор в овраге, оказавшийся непреодолимым для многих участников. Немало спортсменов и особенно лошадей получили здесь тяжелейшие травмы.

И все-таки лучшие троеборцы сумели преодолеть эту трассу. И первым в этом числе оказался советский спортсмен Лев Баклышкин.

Затем его обошли три конкурента, но и четвертое итоговое место 23-летнего советского спортсмена было значительным успехом. Мировая спортивная печать уделила внимание нашему молодому всаднику, продемонстрировавшему в Стокгольме высокое мастерство и силу воли. Ему задавали вопросы журналисты: откуда он, когда стал заниматься верховой ездой.

Баклышкин — из деревни Филино, расположенной в Подмоскowie, недалеко от известной спартаковской базы конного спорта на станции Планерная. Туда бегал уже в раннем детстве Лева с приятелями, там и увлекся верховой ездой. Поначалу любил прыжки, потом перешел на троеборье. Был в числе сильнейших и на всесоюзных, и международных состязаниях, в частности в 1954—1955 годах на соревнованиях в Болгарии.

В Стокгольме неплохо выступила наша команда, заняв четвертое место. Ведь из девятнадцати начавших борьбу сборных одиннадцать выбыли досрочно — из-за неудачи в кроссе. Близки к дисквалификации были и наши троеборцы, однако В. Куйбышев, несмотря на падения и ушибы, все-таки сумел дойти до финиша...

В выездке сборная СССР заняла также четвертое командное место, лучшим в ней был москвич Сергей Филатов. Словом, наши конники сделали шаг вперед по сравнению с Олимпиадой в Хельсинки. Стало ясно, что не за горами победы, и первая из них пришла уже на следующих Играх 1960 года в Риме, где Филатов стал чемпионом.

Очень долго искал Филатов коня, который мог бы по-настоящему хорошо освоить классическую «высшую школу» и на котором можно было бы соперничать с сильнейшими всадниками мира — шведами и англичанами, итальянцами и немцами. И не просто соперничать, а побеждать их. Пока Сергею это не удавалось. На состязании конников по программе XVI Олимпийских игр, проходивших в Стокгольме, он занял лишь одиннадцатое место в личном зачете.

Кто был виноват в этом? Он сам или его Ингас? Вопрос серьезный. Ведь конный спорт таков, что результаты в нем зависят и от всадника, и от лошади. Так кто же был виноват?

Сергей имел полное право считать себя невиновным. Не только он сам, его тренер, но и зарубежные специалисты были уверены в том, что Филатов, как и его товарищи по команде, — очень искусный наездник. Шведская газета «Дагенс Нюхетер» писала тогда: «Выступления русских элегантных конников явились новым доказательством того, что Советский Союз целеустремленно продолжает идти вперед по всем видам спорта».

Действительно, наши конники показали себя великолепными мастерами, но их лошади плохо выступали на международной арене. И Скачок Николая Ситько, и Репертуар Саши Второва совершили немало ошибок. Сбивался и филатовский Ингас. Тогда-то Сергей и решил поменять лошадь.

Вернувшись из Стокгольма на родину, Сергей начал искать подходящего коня. Он ездил на конные заводы, ипподромы, в конноспортивные школы, но все напрасно. Перед глазами Сергея прошли сотни гнедых, буланых, вороных и караковых скакунов, но ни один не тронул сердце спортсмена. Многие казались чудесными, порой великолепными лошадьми, и все же они были, как говорил друг Филатова, «серо-буро-малиновой масти». Но, конечно, дело было вовсе не в масти. Сергею хотелось, чтобы его будущий конь в отличие от Ингаса был со-

вершенным «интеллигентом»: стройным и гордым, умным и послушным. Такого ему не попадалось.

Но вот (это было в 1958 году) председатель Федерации конного спорта СССР Петр Прохорович Парышев сказал Сергею, что, кажется, он видел такую лошадь, какую хочется Филатову. Вместе они пришли на Выставку достижений народного хозяйства.

— Знаешь, — сказал Сергею Парышев, когда они приближались к конюшне, — стоит этого жеребца вывести в загон, как вокруг тысячи людей собираются.

Что, настолько безобразен? — грустно пошутил Сергей. Почти потеряв надежду найти желанного коня, он и теперь не верил, что мечта сбудется.

Парышев не ответил. «Неужели и этот не понравится?» — с тревогой подумал он, когда они подошли к одному из денников, и незаметно взглянул на Сергея. Но тут же успокоился. Филатов восхищенно рассматривал стоявшего в деннике вороного жеребца и радостно улыбался. И было отчего. Стройный, как легендарный Пегас. Длинная, лебединая шея. Тонкие, очень сильные ноги. Могучий круп. Иссинья-черная шелковистая шерсть. Лукавые, налитые кровью глаза породистого животного. Да, это была действительно великолепная лошадь, которая, казалось, словно рождена для «школы».

Парышев и Филатов долго разглядывали Абсента в деннике. Потом его подседлали, вывели, и они опять разглядывали его уже в загоне. Смотрели, восхищались, и вместе с ними прекрасной лошадью любовались сотни посетителей выставки, появившихся неизвестно откуда. Парышев был прав.

— Беру. Моя, — заявил наконец Сергей.

Но Петр Прохорович лукаво прищурился:

— Будет твоя, если дадут. Лошадь-то государственная.

Абсент появился на выставке как лучший экземпляр ахалтекинской породы, а принадлежал он казахстанскому зерносовхозу «Луговской». Иначе говоря, все зависело от руководителей совхоза.

— Напиши им письмо, — посоветовал Парышев, — может, не откажут...

Сергей так и сделал. Ответа не было долго. И когда он почти отчаялся, ему вдруг вручили долгожданный конверт.

«Абсент — чудесная лошадь, — говорилось в письме директора совхоза Вениамина Вениаминовича Иванова. — Берегите ее. Желаем успеха».

Сергей понял вначале только одно: ему отдавали Абсента. А потом понял и другое: Иванов — настоящий человек, если решился отдать такую замечательную лошадь.

В том, что Иванов — настоящий человек, Сергей убедился позднее, в том же 1958 году, когда побывал в «Луговском». В совхозе выращивали отличных лошадей, но Иванов говорил так:

— Надо знать, на что они способны. А для этого они должны пройти испытание. Ну, а какое испытание сложнее, нежели Олимпийские игры! Так что берите, Сергей Иванович, Абсента, ездите на нем, выступайте, а если еще и успехов добьетесь — только спасибо скажем.

«Если бы все так поступали, — размышлял потом Филатов, — каких результатов добились бы наши конники!»

Но все это было потом, и размышления, и поездка в Казахстан, и беседы с Ивановым. А тогда, получив письмо, Сергей понял лишь одно: Абсент переходил в его руки.

Он не хотел терять ни часа, ни тем более дня, и тут же решил по-настоящему познакомиться с Абсентом.

Однако расположить коня сразу Сергею не удалось. Едва он протянул руку, чтобы погладить Абсента, как тот злобно захрапел и дернул головой. Не помогли поначалу и ласковые прозвища, и даже сахар. Абсент и вправду оказался крепким орешком.

— Ничего, еще подружмся, — сказал Сергей и ласково похлопал Абсента по лоснящемуся крупу.

У Сергея были основания говорить так. Много лошадей перевидал он на своем веку, многих, даже самых капризных и недоверчивых, сумел объездить.

Впервые Филатов сел на коня еще мальчиком. В селе Лысье Горы Тамбовской области, где он родился, в компании таких же, как он сам, голоногих паренков Сережка гонял табуны на реку, ездил в ночное. Его навязчивой мечтой было стать настоящим всадником.

И он не изменил детской мечте. В 16 лет поступил в кавалерийское училище. А окончив его, стал заниматься конным спортом.

Сперва совершенствовался в троеборье, прыжках че-

рез препятствия, а потом по совету Николая Ситько перешел на высшую школу верховой езды.

Ситько знала вся страна. Он был неоднократным чемпионом СССР, большим мастером выездки. С неизменным успехом выступал на крупнейших физкультурных праздниках и парадах. Его знаменитый Скачок, поппинг, поле всадника, даже танцевал «Яблочко», польку и вальсы.

Сергею хотелось походить на Ситько, и он последовал его совету. Уже в 1954 году Сергей Филатов оказался лучшим на первенстве СССР в розыгрыше Малого приза по манежной езде. В 1955 и 1956 годах он занимает на чемпионатах страны вторые места по еще более сложной программе — Большого приза. А в 1957 году впервые становится чемпионом СССР и никому не уступает этот титул и в следующем сезоне, том самом, когда нашел Абсента.

Так стал он преемником прозорливого Ситько. Впрочем, в предвидении бывшего чемпиона не было ничего удивительного. Сергей Филатов, научившись хорошо разбираться в характерах лошадей, всегда находил «общий язык» со своими четвероногими помощниками. В выездке же это особенно важно. Если некоторым лошадям нравится прыгать через барьеры и другие препятствия, то выполнять сложные и мучительные для животного упражнения высшей школы не по душе ни одной. Лошади вынуждены этой своеобразной гимнастикой или из-под палки, или из-за доверия к хозяину. Из-под палки выходит гораздо хуже, чем по любви.

Филатову лошади доверяли.

Вот почему Ситько нельзя назвать провидцем — просто он отлично знал Сергея. Вот почему и сам Сергей твердо верил, что подружится с Абсентом. Но он даже не предполагал, насколько это окажется трудным.

Да и никто не предполагал такого. Напротив: поведение Абсента в первые месяцы тренажа позволяло надеяться на самые блестящие успехи.

Заполняя первую страницу своей спортивной биографии, Сергей Филатов специализировался в преодолении препятствий. С этого же начинал и Абсент. Тем не менее высшую школу он осваивал уверенно. Абсент необычайно легко выполнял самые разнообразные упражнения, унаследовав удивительную красоту и грацию от

своего знаменитого отца Араба-Казбека, того самого, которого тысячи фотокопий запечатлели несущим в седле легендарного героя гражданской войны С. М. Буденного.

Сергей был в восторге. Ему оставалось только шлифовать движения Абсента, который, казалось, слушался всадника беспрекословно.

К 1959 году Абсент уже хорошо овладел премудростями школы, правда, еще не достигнув совершенства. Но Сергей пока и не стремился к этому. Ему хотелось лишь проверить, какое впечатление произведет его конь на зарубежных специалистов. Они считали, что уже самый вид лошади должен вызывать такое же эстетическое наслаждение, как фигура балерины. Нередко их оценки зависели именно от силы первоначального впечатления. Понравилась лошадь — баллы растут, не понравилась — уменьшаются.

Филатовский Ингас за границей не очень нравился. Ну, а что скажут об Абсенте?

И летом 1959 года вместе со своей новой лошастью Филатов приехал в Лейпциг на сельскохозяйственную выставку социалистических стран.

Одновременно там проходили соревнования конников. Выступал на них и Филатов. Но уже до начала состязаний Абсент вызвал всеобщий восторг.

Филатов убедился: можно идти дальше.

Вернувшись в Москву, он принял участие в Спартакиаде народов СССР. Выступал на двух лошадях: в командном зачете — на Ингасе, в личном — на Абсенте. Ингас принес Сергею третье место, Абсент — золотую медаль. С тех пор у Сергея остался только один конь.

Теперь Сергей уделял Абсенту еще больше внимания, отдавал ему свободное от военной службы время. И словно ценя это, Абсент все больше привязывался к хозяину.

Программа Большого олимпийского приза была отработана почти с блеском, не совсем хорошо получались лишь отдельные движения. Сергей видел, что они по силам Абсенту, но почему-то лошадь не хочет выполнять их.

Прежде, входя к коню в доверие, Сергей не стал бы насиловать его волю, действовал бы постепенно, не торопясь, чтобы не запугать лошадь. Но теперь, уверовав в свою власть и помня о близящейся Олимпиаде, Фила-

тов перешел к решительным действиям. Когда однажды Абсент не подчинился приказу и, как обычно, не выполнил одно из своих нелюбимых движений, рассерженный Сергей не выдержал и наказал жеребца шпорами.

Такое случилось впервые. Но в тот момент Сергей не мог иначе. Сегодня не помог ни любимый Абсентом хлеб, ни морковь.

Сергей ждал самого плохого. Ждал этого и Володя Алексеевко, который ухаживал за Абсентом и прекрасно знал, что на вороного красавца можно подействовать только лаской.

Каково же было их удивление, когда они увидели, что Абсент не рассердился! Он только испуганно фыркнул, но стоило его несколько минут погладить, и он совершенно успокоился. Больше того, по команде Сергея сразу и отлично выполнил ненавистное упражнение.

«Эге, голубчик, — подумал Сергей, — да ты, оказываешься, вовсе не такая сложная натура...»

Сергей ошибался. Зимой Абсент доказал ему это. На переносе Москвы в том самом месте программы, в котором когда-то Сергей наказал его шпорами, Абсент так уверенно выступил, что Филатов откатился в итоге на одно из последних мест.

Нет, Абсент не забыл обиды, и был он не так-то прост, как подумалось Сергею. И Филатову пришлось снова пересматривать свое отношение к Абсенту.

Ясно было одно: Абсент не терпел грубости. Но и ласка помогала не всегда. Особенно при выполнении пи-пифе.

Ох уж это пи-пифе! Сколько мучений доставило оно Сергею. Выполнять его Абсент категорически отказывался. На него не действовало ничего. И Сергей поневоле начинал задумываться над словами зарубежных конников, услышанными в Стокгольме.

Они говорили так: «Жеребец в высшей школе — гибкое дело. Здесь нужна мягкость движений, грация, полная беспрекословность. А жеребцы капризны, злы, резковаты, необузданны». Не случайно на всех крупнейших соревнованиях побеждали те, кто ездил на кобылах или на худой конец на меринах. На тех же стокгольмских соревнованиях олимпийским чемпионом стал прославленный шведский офицер Генри Сен-Сир, выступавший на кобыле.

«А может, они и правы,— размышлял Сергей о словах зарубежных конников,— и я действительно впустую вожусь с Абсентом? — Но тут же протестовал: — Неужели человек не в силах совладать с животным?» — И он снова приступал к тренажу Абсента.

Хотя тот и продолжал артачиться, Сергей с каждым днем все меньше верил словам иностранцев. Росла его убежденность в том, что, выступая на жеребце, можно показать большее искусство, чем показывают сторонники теории «покорности». Но зато тут требуются и гораздо большие усилия. Не боялись ли этого зарубежные «теоретики»? Не потому ли шли они проторенным, легким путем?

Как бы то ни было, но Сергей не отступал. К своей цели он продвигался медленно, верно. И только пиаффе портило все. Подсчитывая оставшиеся до Рима дни, он ощущал набегавший на спину холодок.

Навязчивое французское слово не давало покоя. Сергей засыпал, думая о пиаффе, и просыпался, думая о том же. «Пиаффе, пиаффе»,— звучало неотступно, вызывая мучительную боль и рождая десятки оказывавшихся бесполезными планов.

Но один вдруг помог.

В тот день Абсент, как всегда, выполнял олимпийскую программу безупречно. Но, как всегда, дойдя до пиаффе, остановился. И тут Сергея осенило. А что, если Абсент не желает отбивать рысь на месте сразу после продолжительного непрерывного движения? А что, если заставить его делать пиаффе с места?

Еще не надеясь на успех, Сергей соскочил с седла, усадил на свое место Володю Алексеенко, а сам взял в руки бамбуковые хлысты — «удочки» — и осторожно потрогал ими передние ноги Абсента. Тот недовольно задвигался, завертел шеей, однако, видя, что от него не отстанут, подпрыгнул.

Это было далеко не настоящее пиаффе, но сейчас Сергею и этого было довольно. Самое главное — начать, а то, что это было началом, Сергей понял сразу. И приободрившийся, повеселевший, он щедро угостил Абсента морковью.

Видимо, такой подход к «делу» Абсенту понравился, потому что с тех пор он выполнял пиаффе безотказно. Скоро не потребовалось даже хлыстов-указок. А потом

наконец пришел долгожданный день, когда Абсент продемонстрировал всю высшую школу, ни разу не запнувшись.

Только сейчас Филатов почувствовал, как сильно он устал. Но он не жалел трудов. Ему хотелось добиться признания всей советской конноспортивной школы, а принести это признание могла только победа. К этой победе Филатов и стремился, когда день за днем, месяц за месяцем боролся с неподатливым Абсентом.

Теперь он вроде стал послушным. Но помня, как Абсент внезапно, через много дней, отомстил ему за шпоры, Филатов чувствовал себя не совсем уверенно.

Но вот уже наступил день отъезда. Филатов за несколько часов долетел до Рима, Абсента же повезли вначале поездом в Одессу, потом пароходом по Черному и Средиземному морям до итальянского порта Чивитавеккья, а оттуда — снова поездом в столицу Олимпиады.

Сергей боялся, что Абсент плохо перенесет дальнюю дорогу, но, увидев его в Риме, успокоился. Лошадь выглядела отлично.

Ждать всегда неприятно. Но Филатову долго ждать не пришлось. Состязания конников открывались розыгрышем Большого олимпийского приза по выездке.

Соревнования начались 5 сентября. День выдался жаркий. Уже с утра солнце палило нещадно. В парке Вилла Боргезе, излюбленном месте отдыха римлян, было достаточно затененных мест, но конникам приходилось выступать на открытом манеже. К тому же не в легкой спортивной форме, а в тяжелых военных мундирах или во фраках и цилиндрах. Таковы традиции...

На трибунах стадиона Пьяцца ди Сиена — тысячи знатоков и любителей. Они ждут великолепного зрелища. Лишь 17 всадников десяти стран осмелились претендовать на титул искуснейшего конника. Зато все они — звезды.

Вот великий Сен-Сир — дважды олимпийский чемпион. Вот швейцарец Г. Шаммартен, его соотечественник Г. Фишер, выдающиеся немецкие конники Й. Неккерман и Р. Шпрингер, американка П. Голвин... А чуть поодаль — два советских наездника — молодой Ваня Кали- та и он, Сергей Филатов.

В него мало кто верит. Исключение составляют друзья и голландский принц Бернгард — президент Между-

народной федерации конного спорта. Когда в 1959 году на предоллимпийских соревнованиях в Санкт-Галлене (Швейцария) Филатов занял второе место после Шаммартена, Бернгард сказал, вручая ему серебряную медаль:

— Сейчас вы второй, в Риме — будете первым.

Филатов верил в свою победу. И только одно по-прежнему тревожит: не подкачает ли Абсент, не выкинет ли какое коленце.

Честь открыть соревнование выпала Сен-Сиру. На этот раз у него новая лошадь, но и сейчас швед уверенно демонстрирует программу. Правда, Сергей подметил несколько неточностей в его выступлении. Однако зрители их не замечают. Блеск олимпийских медалей Сен-Сира ослепителен. Этот блеск ослепил, видимо, и судей, ибо, по мнению Сергея, они дают шведу завышенную оценку.

Сергей мрачнеет. Конечно, кое-какое оправдание у арбитров есть: если в скачке ошибки всадника очевидны — повал препятствия, падение, остановка, то в выездке определить погрешности труднее. И все же...

Сергей сжимает кулаки. Сегодня ему действительно нужно показать все, на что он способен. Он борется не только с соперниками, не только с Абсентом...

Почти все сильнейшие показали свое искусство. Сен-Сир получил 1036 очков, Фишер — 1052, Неккерман — 1071. Сколько наберет он?

Так и не успев назвать вероятную сумму, Филатов направляет Абсента к манежу. Перед тем как въехать в него, ласково проводит рукой по крутой шее коня, подбадривая его и проверяя, не приготовил ли Абсент какого-нибудь сюрприза. Жеребец не отвечает на ласку: он вежливо сбрасывает с себя руку хозяина, словно говоря, что сейчас не до признаний. И, напрягшись, важно входит на прямоугольное поле.

Въезд в манеж — это уже начало программы. Карандаши судей уже забегали по листкам. Так не подкачай, Абсент!

Показ выездки лошади — картина впечатляющая. И самое восхитительное: даже не замечаешь, как управляет лошадью всадник. Создается впечатление, будто она делает все сама.

Так казалось и когда выступал Филатов. Всадник как бы слился с конем, они были единое целое, и олимпий-

ская, кропотливо составленная, разумная программа превратилась у них в сверкающий, поэтический танец.

И когда, завершая программу, Абсент опустил на колени и склонил перед судьями голову, шквал восторженных криков и аплодисментов затопил Пьяцца ди Сиена. Вознаграждая себя за долгое и вынужденное молчание (выступления конников проходят при полной тишине), зрители дали волю обуревавшим их чувствам.

Филатов получил высшую оценку — 1074 балла! Абсент его не подвел.

Но это еще не было победой. В отличие от прежних олимпийских правил в Риме был введен новый порядок: пятеро сильнейших, выявившихся в первый день, должны были повторить выступление. Этой пятеркой оказались Филатов, Сен-Сир, Неккерман, Фишер и Калита.

И снова Пьяцца ди Сиена. И снова тысячи зрителей на трибунах. И снова пассажи, пиаффе и пируэты...

На этот раз зрелище получилось менее эффектным: сказались усталость, нервное напряжение. И только Филатов на Абсенте вновь заставил восторгаться зрителей. Всего на 4 балла меньше, чем накануне, набрал он.

Однако и это не было окончательной победой. Дело в том, что еще в Санкт-Галлене соревнования конников фиксировались на киноленту. Чтобы до предела снизить субъективность судей, результаты участников объявлялись только после просмотра фильма специальным жюри. Так было решено сделать и в Риме.

С нетерпением ждали спортсмены итогов просмотра. Все волновались, волновался и Филатов. Но фильм только подтвердил его триумф. Советскому коннику Сергею Филатову была единогласно присуждена победа.

— Ну, что я говорил? — лукаво прищурился Бернгард, когда Сергею вручали золотую медаль.

— Вы — провидец, — весело ответил Сергей, подумав при этом, что если бы он не затратил столько трудов на Абсента, то принц мог бы очень легко ошибиться.

Когда Филатов вернулся в Москву, у него было очень много встреч с любителями конного спорта, но одна запомнилась особенно. Это была встреча с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным. Вот как рассказывает о ней сам олимпийский чемпион:

«Первый болельщик конного спорта маршал Семен Михайлович Буденный вызвал меня к себе.

Я ехал взволнованный. Предстоящий разговор с героем гражданской войны не мог оставить меня спокойным.

Мне и раньше приходилось встречаться с маршалом, и всегда он поражал меня своей необыкновенной памятью. Помнит ли он мое несчастье с Гонгом? Знает ли о том, что его похвала Ингасу сыграла решающую роль в моей жизни как спортсмена?..

Адъютант доложил о моем приезде, и я вошел в кабинет. Широкоплечий, не поддающийся годам человек встал из-за стола, пошел мне навстречу, обнял меня и сказал:

— Спасибо, сынок!

У меня запершило в горле... Маршал поздравил меня со званием олимпийского чемпиона, с присвоением мне звания заслуженного мастера спорта и с высокой наградой правительства — орденом Трудового Красного Знамени...

— Тебе честь и хвала, что впервые в истории отечественного конного спорта, в труднейшем виде соревнования стал чемпионом, — пожимая мне руку, говорил маршал. — Рад, рад за высшую школу верховой езды...»

КОННЫЙ СПОРТ В СССР

Конный спорт в нашей стране, как и многие другие виды спорта, по существу, родился и получил широкое развитие после 1917 года. Можно даже сказать конкретнее: он зародился в Первой Конной армии. В ноябре 1919 года из отдельных полков и дивизий была создана Первая Конная армия под командованием С. М. Буденного. Совершая успешные рейды, осуществляя внезапные налеты, красные конники громили банды Врангеля, Деникина, Петлюры. В перерывах между боями осваивали мастерство верховой езды и умение владеть оружием. Для этого в арсенале их подготовки были известные в народе «рубка лозы», вольтижировка, джигитовка, упражнения, близкие спорту.

«Рубка лозы» — всадник на полном скаку саблей или другим острым оружием одну за другой срезает ветви лозы, кустарника, просто тонкие палочки. Верх мастерства — пройти по всем «станкам» (местам, где установлены лозы) и не сделать ни одного промаха, где есть неудачного сруба.

Вольт в переводе на русский означает круг. Вольтижировка — это выполнение специальных гимнастических упражнений на лошади, мчащейся по кругу. Всадник-вольтижер прыгает на ходу в седло, перебрасывает ноги через шею лошади, делает стойку на руках, словом, совершает множество смелых и красивых движений. Примерно такие, какие делают конники в цирке.

Ну, а джигитовка — это тоже своеобразная гимнастика на лошади, только скачущей не по кругу, а по прямой.

Упражнения могут усложняться. Например, поднять лежащий на земле белый платок, но при этом нельзя останавливаться и даже замедлять ход коня. Платок нужно поднять на полном скаку. Приближаясь к тому месту, где лежит яркий, издалика бросающийся в глаза платок, всадник свешивается на бок коня и, держась за холку одной рукой, другой должен успеть схватить платок...

Большое искусство требуется для выполнения этой за-

дачи. И хоть кавалеристы — мастера верховой езды, и им не всем удастся подхватить платок с земли на скаку с первой попытки. Случается, что кое-кто даже не удерживается в седле...

Видов джигитовки много. На быстро скачущем коне всадники выполняют самые разные упражнения: поднимают, кроме платка, кольца и монеты, соскакивают с лошади, вновь садятся в седло, мчатся стоя, делают, как и вольтижеры, стойку на руках, подныривают под брюхо лошади и опять оказываются в седле...

И вполне закономерно возникали соревнования между бойцами, чтобы выявить лучшего наездника, мастера сидеть в седле. Такие состязания многих увлекали конным спортом. И уже в 1920 году состоялись первые соревнования всадников. Популяризации конного спорта способствовали дальние походы и пробеги. И их тоже организовывали прежде всего кавалеристы. В первом конном пробеге на 100 километров участвовали 36 всадников во главе с прославленными командармами К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным.

В 1923 году был создан Центральный конноспортивный комитет под председательством С. М. Буденного и выработано Революционным военным советом положение о конноспортивной работе в РККА. Первые всероссийские соревнования 1925 года практически положили начало систематическому проведению в нашей стране состязаний по конному спорту.

С легкой руки кавалеристов верховая езда стала увлечением многих. Открылись специальные конноспортивные клубы, школы и кружки, стали проводиться соревнования, был введен значок «Ворошиловский всадник», и массы людей сдавали нормы, чтобы получить этот значок (к слову, к 1941 году эти нормы выполнили уже несколько десятков тысяч человек).

В 1935 году была создана Всесоюзная секция конного спорта, а уже в следующем прошли первые всесоюзные соревнования всадников. Состоялись они в Ростове-на-Дону, своеобразном центре верховой езды. На турнир собрались казаки Кубани, Терека, Дона, спортсмены Осавнахима, учащиеся кавалерийских школ.

Всесоюзные соревнования проводились вплоть до Великой Отечественной войны.

Массовости конного спорта способствовали замеча-

тельные пробеги всадников. Их было немало. Так, летом 1935 года знаменитый пробег по маршруту Анхабад — Москва совершили туркменские наездники. В течение 83 дней они преодолели 4300 километров.

В последующие годы состоялись конные пробеги из Даурии в Читу, из Пятигорска в Ростов, из Новочеркасска в Ворошиловград и обратно.

В июне 41-го многие конники ушли на фронт и отважно сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Всадники отличились в боях под Москвой и Сталинградом, на Кавказе и в Карпатах, в лесах Смоленщины и в болотах Полесья, во взятии Праги и Берлина...

Славную страницу в историю Великой Отечественной войны вписали бойцы корпуса под командованием Героя Советского Союза Льва Доватора.

Л. Доватор командовал кавалерийской группой, которая в августе—сентябре 1941 года совершила глубокий рейд по лесам Смоленщины, нанося удары по тылам немецко-фашистских захватчиков. Кавалеристы под руководством Доватора одновременно организовывали и партизанские отряды, которые в свою очередь громили тылы оккупантов.

Прорвавшись к своим войскам, группа Доватора вела оборонительные бои на реке Меже и прикрывала отход советских отрядов на Волоколамском направлении.

После того, как Доватор принял командование кавалерийским корпусом, он организовал оборону на реке Ламе, на всем протяжении фронта от Яропольца до Москвы.

В битве под столицей корпус генерала Доватора вел героические бои, наступая из района Кубинки на Рузском направлении в составе войск Западного фронта.

Славный командир кавалерийского корпуса пал смертью храбрых 19 декабря 1941 года у деревни Палашкино.

Подвиг Л. Доватора и конников, которыми он командовал, никогда не забудется. Свято чтут память героя и спортсмены-конники. Именем Л. М. Доватора назван, в частности, конный завод в поселке Ратомка под Минском, где выращивают хороших скакунов и где есть также своя конноспортивная школа, в которой вос-

питаны великолепные всадники, призеры многих международных соревнований.

Спортивная жизнь в нашей стране стала возрождаться после окончания войны. В 1946 году впервые конники провели свой чемпионат страны, провели в торжественной обстановке, на Московском Центральном ипподроме. В том же году состоялся и чемпионат Российской Федерации. С тех пор эти турниры проходят ежегодно, став смотром мастерства сильнейших конников, школой для молодых спортсменов и настоящим праздником для всех ценителей верховой езды. Программа всесоюзных состязаний по конному спорту совершенствовалась, становилась все более интересной и разнообразной. Сама жизнь вносила в нее коррективы. Скажем, с течением времени из этой программы была исключена «рубка лозы», поскольку в 1956 году кавалерия в нашей стране была упразднена (сейчас в Алабине, под Москвой, остался единственный полк всадников — специально для «Мосфильма»).

На смену устаревавшим упражнениям приходили более современные. И первое место среди них занимали, понятно, классические, олимпийские виды конного спорта — выездка, конкур и троеборье.

В программу наших чемпионатов включены и другие виды соревнований. Например, в выездке разыгрывается не только Большой приз, но и Средний, и Малый в менее сложных упражнениях. С них-то и начинают путь наверх будущие олимпийцы.

Троеборье у нас двух видов — на молодых лошадях и лошадях старшего возраста. Между прочим, лошадь считается молодой, если ей года три, а старшего возраста — 8—10 лет. Всего лошадь живет в среднем 25—30 лет, причем спортсмену служит примерно лет до шестнадцати.

Особенно богат соревнованиями конкур. Здесь и «Высший класс», и Кубок СССР, приближающиеся по сложности к олимпийскому Призу наций, и многие другие — «На мощь прыжка», «Приз открытия», «По выбору»...

Любопытно проходят состязания по преодолению препятствий под названием «С возрастающей высотой». Устанавливаются на поле, скажем, десять 150-сантиметровых барьеров. Только те, кто берет их чисто, получает

право выступить во втором гите, однако высота препятствий в этом гите увеличивается на 10 сантиметров. И так — до тех пор, пока не останется лишь один участник. Он и становится чемпионом.

Конник может стать не только чемпионом страны, но и... рекордсменом. Да-да, и у всадников фиксируются высшие достижения. С этой целью проводятся специальные состязания. В прыжках в высоту нынешний рекорд СССР равен 2 м 25 см. Он установлен И. Лысогорским на коне по кличке Полигон в 1953 году. А рекорд мира принадлежит мексиканцу Л. Моралесу — 2 м 47 см (Моралес выступал на лошади Хуасо).

Бывают у конников и рекорды по прыжкам в длину. Рекорд нашей страны — 8 м 20 см (установлен Н. Шеленковым на Буре в 1947 году), а мира — 8 м 40 см (принадлежит А. Феррайре на Самсинге, 1975 г.).

Конный спорт в нашей стране развивался на благодатной почве. Почти у всех народов нашей необъятной страны существуют свои национальные виды конного спорта, которые популярны и в наши дни.

По целой неделе длятся Всесоюзные соревнования конников колхозов, совхозов и конных заводов. И один из самых увлекательных видов программы — национальные игры и состязания.

Прежде всего это разнообразные скачки. Они бывают «гладкие», когда основная задача — быстрее всех преодолеть заданное расстояние на ипподроме, по дорожке или просто в степи или поле. В Средней Азии и Казахстане «гладкие» скачки проводятся по кругу — «байга» и по прямой «аламан-байга». Разным бывает как диаметр и количество кругов, так и длина прямой — от одного до двадцати пяти километров. Но суть везде одна: прийти к финишу первым.

А вот «кыз-куу». В Киргизии это одновременно и игра, и скачка. Проходит она так. Судья выпускает со старта девушку на коне, а через несколько секунд в погоню за ней устремляется конник-юноша. Он — «жених», он должен настичь «невесту» и на ходу сорвать с нее головной убор. Если ему это удалось сделать — хорошо, а не то его ждет позор. У финиша оба поворачивают коней, скачут обратно, и тут уже «невеста» догоняет «жениха» и при всем честном народе хлещет его, неумелого, плеткой!

В Казахстане очень популярна скачка «кыз-жарыс». Ее особенность в том, что в ней участвуют только женщины. Поэтому дистанция небольшая.

Во всех этих скачках выступают взрослые. В грузинской же скачке под названием «марула» участвуют и подростки, ребята 12—16 лет.

Кроме «гладких», большой популярностью в Советском Союзе пользуются скачки с препятствиями — искусственными (например, барьеры, завалы, ямы, палисады, заборы) и естественными (в этом случае дистанция прокладывается на труднопроходимой местности). Число препятствий разное. Иногда в таких скачках учитывается не только скорость прохождения маршрута, но и чистота преодоления препятствий. Однако чаще всего и тут задача одна — прийти к финишу первым.

Пожалуй, одна из самых сложных — так называемая «хевсурская» горная скачка, распространенная в Грузии. Участники этого интересного соревнования собираются на вершине горы. Здесь им дается старт. Финиш — внизу. Дистанция скачки проходит по крутому спуску, всадники же преодолевают ее на галопе да еще на неоседланных лошадях! Ясно, каким мужественным и искусным должен быть каждый участник, а кони отлично подготовленными для такого трудного испытания.

Немало распространено среди народов СССР и конноспортивных игр. Одна из них — увлекательная, древнего происхождения грузинская игра «цхен-бурти».

...На прямоугольное поле длиной 150 и шириной 50 метров выезжают две команды конников, каждая из шести человек и в «своей» спортивной форме — удобных для верховой езды костюмах разных цветов с номерами. Команды размещаются в центре площадки, одна против другой. Судья, стоящий между ними, подкидывает вверх белый резиновый мяч, и, когда он касается земли, игра считается начатой.

Всадники устремляются к мячу. У каждого в руке «чогани» — своеобразная ракетка, изготавливаемая из любого материала, кроме металла. Длина ракетки — 30 см, ширина — 15 см. Ее сетка — из шпагата или кожаных ремешков. С помощью ракеток всадники должны забросить мяч в «мака» — ворота, установленные на коротких сторонах поля. «Мака» — это два столба, между которыми сверху натянута белая лента.

«Цхен-бурти» немного похожа на футбол. Игра продолжается два тайма по 15 минут. В командах есть капитаны. «Мака» избираются по жребию. После перерыва команды меняются воротами. Существует положение «вне игры», назначается угловой мяч, спорный, штрафной удар и т. д.

«Цхен-бурти» — игра быстрая, она требует от всадников большой ловкости.

Кстати, подобная игра культивировалась в Персии еще в седьмом веке до нашей эры. А в наши дни «конный футбол» (или «поло») включался в программу Олимпиад в 1908—1936 годах.

Интересна и «исинди». Цель этой игры — преследуя соперника верхом, точно послать в него дротик, который и называется «исинди». Попал — получи два очка. Если дротик задел не соперника, а только его коня — одно очко. Всадник же, которого преследуют, должен не «левачить». Если он изловчится и поймает дротик «врага» в воздухе — два очка ему обеспечены.

Несколько напоминает «цхен-бурти» древняя конная игра, распространенная в Таджикистане. Пожалуй, ее лучше всего назвать «хоккеем на лошадях». Да-да, в солнечном Советском Таджикистане играют в хоккей. Но, понятно, не на ледяных площадках, а на травяных и сидя верхом на лошадях. Так сказать, конный вариант травяного хоккея, входящего в программу Олимпийских игр.

Одно время в СССР получил популярность «пушбол» — игра с огромным, чуть ли не двухметровым мячом. Толкая мяч грудью коня и руками, всадники стараются перевести его во «вражеские» владения.

Есть еще один вариант «цхен-бурти», азербайджанский. Это — «човкан». Для этой игры также нужны ворота, кони и мяч. У каждого спортсмена в руке длинная палка, напоминающая хоккейную клюшку, «човкан», которым спортсмены гоняют по полю мяч, стараясь забить его в ворота соперников. Но в «човкане» есть вратарь.

И еще об одной игре. Вряд ли найдется в Средней Азии или Казахстане человек, который бы не слышал о ней. Мы говорим о «коп-кари». В переводе это звучит не очень красиво — «козлодрание». «Коп-кари» — тоже

конная игра, без которой не обходится ни один праздник.

В разных местах большого поля становятся команды. Их может быть одновременно несколько — две, три, даже четыре. По сигналу судьи всадники устремляются к туше козла или барана (иногда это просто чучело), лежащей на земле, и стараются поднять ее. Это нелегко, потому что туша тяжелая и все мешают друг другу. Наконец, самому ловкому удается схватить тушу. Крепко держа ее, в сопровождении «охранников» — товарищей по команде — ловкач скачет к определенному месту, отмеченному чертой. Если ему и его друзьям удастся достичь условленного места, команда побеждает и получает в качестве приза ту самую тушу козла или барана, которая была в игре. Но чаще всего по дороге к цели тушу отбивают соперники. Захватив ее, они теперь в свою очередь охраняют ее и уже сами стремятся пробиться в обусловленное игрой место. Теперь атакуют их. Словом, козла рвут из рук в руки, отчего и произошло название этой игры.

Большой физической силы, умения управлять конем требует «коп-кари». Подчас всадникам, чтобы уйти от преследования, приходится перебрасывать тушу друг другу, а она весит около 50 кг!

Вы, наверное, заметили, что в «коп-кари» есть что-то от борьбы? А ведь существует настоящая борьба на лошадях. Это очень старая народная игра, которая носит название «оодарыш».

В далекие времена, перед тем как вступить в бой двум враждующим армиям, вперед выезжали на конях полководцы-соперники. С копьями в руках, с саблями и кинжалами они вели смертельный бой. Считалось, что победит та армия, чей предводитель выиграет поединок.

И в «оодарыше» в бой вступают два конника, обнаженные до пояса, а за ними тоже стоят армии, только не воинов, а зрителей, болельщиков. И здесь соперники стремятся одолеть один другого, но не с помощью оружия, а борцовскими приемами. Основная цель — выбить противника из седла, свалить его на землю. Если не умеешь крепко держаться на коне — не выступай в «оодарыше». Успех здесь сопутствует лишь искуснейшим всадникам.

«Оодарыш» очень любят в Киргизии. Жители этой советской республики показывают большое мастерство в конных соревнованиях. Недаром говорят, что киргиз рождается на коне. В Киргизии даже охотятся верхом. Захватив с собой дрессированного беркута или сокола, охотники отправляются в степь. Там с головы птицы снимают специальный колпачок, беркут взмывает ввысь, кружит в поднебесье, а заметив добычу, камнем падает на нее и удерживает на месте, пока не прискачет охотник. Так добывают лисиц, волков и других хищников.

А теперь перенесемся из Киргизии опять в Грузию. Ведь мы не сказали еще об одной игре — «кабахи».

В середине прямоугольного поля устанавливается «андза» — шест высотой 6 метров, с укрепленным на самом его верху металлическом кубком. Всадник берет старт в семидесяти пяти метрах от шеста. Он должен на полном скаку попасть в кубок стрелой, пущенной из лука. Пускать стрелу конник может в любом месте, начиная от старта и кончая финишем, линия которого отмечена на расстоянии семидесяти пяти метров по другую сторону шеста. Иначе говоря, конник может стрелять из любой точки 150-метровой дистанции. Сделав первый выстрел и достигнув финиша, всадник поворачивает коня, скачет обратно и пускает вторую стрелу. Теперь финиш стал для него стартом, а старт — финишем.

Затем то же делает второй всадник, третий, четвертый — вся команда. Потом наступает очередь следующей команды.

Цель считается пораженной лишь тогда, когда от удара стрелы кубок падает. При определении победителей учитывается не только количество попаданий, но и время, затраченное на стрельбу. Лучший результат показывает тот, кто попаданий сделал больше, а времени затратил меньше.

* * *

С национальных игр начинался путь в большой спорт многих советских конников-олимпийцев. Например, известного троеборца из Киргизии Сайбатала Мурсалимова.

В ряде союзных республик введены звания «Мастер

спорта» по национальным видам, и в том числе конному.

Но, конечно, основные центры подготовки всадников-олимпийцев — это конноспортивные школы и клубы. Целый ряд их находится в Российской Федерации. Один из ведущих — Центральный конноспортивный клуб общества «Урожай» РСФСР, где воспитано немало замечательных всадников, и в их числе знаменитая амазонка Елена Петушкова, неоднократный чемпион СССР и чемпион Европы по троеборью Александр Евдокимов.

Любопытно, что впервые Саша стал чемпионом страны, когда перешел в одиннадцатый класс. Он завоевал тогда право выступать на Олимпийских играх, но семнадцатилетних к ним не допускают (только начиная с восемнадцати), и Саша уступил свое место в команде СССР более старшему.

А почему он так рано добился успехов, объясняется просто. Саша жил в Хреновом, что в Воронежской области, там, где находится конный завод № 10, которому уже более двухсот лет и в котором положено начало селекции знаменитого орловского рысака. Когда при заводе была организована спортивная секция, Саша сразу записался в нее, потому что очень любил лошадей. Было ему в то время двенадцать лет.

Сейчас А. Евдокимов — старший тренер советских троеборцев.

Больших успехов добилась Ростовская конноспортивная школа российского общества «Урожай». Взять только Московскую олимпиаду. Ее победителями стали в командных соревнованиях по преодолению препятствий Виктор Асмаев и Николай Корольков, в троеборье — Юрий Сальников, кроме того, Корольков стал серебряным призером Игр-80 в личном турнире, Сальников — бронзовым. Еще один олимпийский чемпион в команде конкюристов — Виктор Погановский — хотя сам он и не ростовчанин, но выступал на коне Топком из Ростовской школы. И все эти успехи во многом связаны с именем замечательного тренера, специалиста, энтузиаста А. А. Жагорова. Антон Афанасьевич прекрасно разбирается в лошадях, один из примеров чему — история с Рейсом.

Конь этот имеет превосходную родословную — он внук чистокровного Рауфбольда, сын Рубильника. Линия Дарк Рональда, от которой происходит Рейс, высо-

ко ценится в конном спорте. Из нее вышли знаменитые ныне Гренобль, Гипюр, Главарь и другие. Но Рейс наиболее способный из всех, можно сказать, даже талантливый. С пяти лет выступал он в прыжках, совершал их мощно, четко, красиво. Его первый хозяин стал знаменитым, выиграв на Рейсе чемпионаты страны. Но человек этот был столь требовательным к коню, никогда не поощряя его за отличные старты (а это, как мы уже знаем, необходимо), что Рейс озлобился, перестал повиноваться. А поскольку ему было уже 12 лет, казалось, лошадь, что называется, кончена.

Иного мнения был Жагоров. Он попросил перевести Рейса в его школу и буквально переделал его характер. За доброту Рейс отплатил сполна. Он блистательно выступал на стадионах мира, преодолевая маршруты разной сложности, «чисто», без единого штрафного очка.

Отменно показал себя Рейс и на Московской олимпиаде.

Кроме Жагорова, способствовал этому и его новый хозяин Виктор Асмаев. Он с детства любил лошадей. В 14 лет пришел в конноспортивную школу и, прежде чем ему разрешили сесть в седло, убирал денники. Он и профессию избрал связанную с лошадьми. Окончил биологический факультет Ростовского университета, теперь работает над диссертацией, посвященной проблемам подготовки четвероногих помощников человека в конном спорте.

О его отношении к лошадям можно судить хотя бы по тому факту, что в день рождения Рейса Виктор приходил к нему с... букетом цветов. И, как правило, каждое утро Асмаев приносил Рейсу купленную на базаре морковку.

* * *

Прочное место в истории советского конного спорта занимает еще один российский всадник — Иван Калита, ныне тоже передающий свой огромный опыт молодым спортсменам.

Верховой ездой он начал заниматься... на войне, в 1944 году, когда был под Минском. В общем-то он родом из-под Тамбова, но в 1939 году его отца направи-

ли на работу в белорусский городок Печи, а в мае 1941 года туда же переехала и вся семья.

Немцы расстреляли отца-партизана. Через несколько месяцев ушел к партизанам и Иван. В одной из боевых операций был ранен тяжело. В 1944 году после выздоровления получил направление в кавалерийскую бригаду. Там и учился верховой езде, преодолению препятствий, «рубке лозы».

Ну, а по-настоящему стал заниматься конным спортом в 1949 году. Сначала троеборьем, затем выездкой, которая принесла Ивану наибольшие успехи.

Первую спортивную награду он завоевал в 1957 году на международных соревнованиях в Румынии. С тех пор восемнадцать раз становился чемпионом страны, шесть раз получал серебряные награды европейских и мировых чемпионатов, был бронзовым и серебряным призером на Токийской и Мексиканской олимпиадах, наконец, вместе с Е. Петушковой и И. Кизимовым выиграл золотые медали на Мюнхенских играх.

Калита больше и дольше всех из наших конников выступал на Олимпиадах — с 1960 по 1976 год.

* * *

Да, конный спорт стал в нашей социалистической стране общедоступным, а значит — подлинно народным. Приведем такие цифры. В двадцати шести спортивных обществах и ведомствах, культивирующих конный спорт, открыто более 1100 школ, клубов и секций, в которых занимается почти 25 тысяч человек. Они располагают более чем пятью тысячами спортивных лошадей, а работу в секциях ведут 292 штатных тренера, не считая тренеров-общественников, роль которых выполняют уже опытные всадники. На конноспортивных базах имеется около сорока крытых манежей, не говоря о площадках и манежах на воздухе.

В одной лишь Российской Федерации конным спортом увлекаются жители сорока областей, краев и автономных республик. Им занимаются в 49 специальных школах и секциях 12,5 тысячи человек. Среди них 86 мастеров спорта СССР международного класса и национальных мастеров. Работают 115 только штатных тренеров. В распоряжении российских любителей кон-

ного спорта более двух тысяч лошадей. Созданы три пункта олимпийской подготовки — в Воронежской области (при Хреновском конном заводе), Ростовской (на базе областной спортшколы, секций конных заводчиков имени С. М. Буденного, С. М. Кирова и Первой Конной армии) и в Московской (на базе специализированной ДЮСШ с филиалом в Раменском).

Развитие конного спорта невозможно без хорошо поставленного коневодства и коннозаводства. СССР занимает первое место в мире по числу и разнообразию пород и породных групп лошадей, разводимых в стране. Среди них и чистокровные верховые кони, которых предпочитают конкуристы и троеборцы, и любимые мастерами выездки ахалтекинские, выведенные туркменами еще в первые столетия нашей эры и до сих пор радующие поклонников верховой езды своими изумительными качествами (филатовский Абсент, если вы не забыли, тоже — ахалтекинец).

И еще вот такие цифры: за годы Советской власти создано одиннадцать совершенно новых пород лошадей, в стране 103 государственных конных завода, 60 ипподромов, 700 колхозных и совхозных конеферм, 150 заводских конюшен и племенных станций... Только на территории РСФСР 58 конных заводов!

От Олимпиады к Олимпиаде совершенствуется программа Игр. На смену устаревающим приходят новые, более современные виды соревнований. Однако конный спорт остается и наверняка еще долго будет оставаться в олимпийской программе, причем в своем нынешнем «облике».

Как мы убедились, ни автомобили, ни мотоциклы, ни даже ракеты не смогли искоренить любви к лошади. Наоборот, с каждым годом все шире интерес людей к верховой езде. Лошадь и сейчас достойнее не только тех, кто выступает в состязаниях. На них ездят и ради удовольствия, и по необходимости. Некоторым навыки верховой езды требуются в будничной жизни, работе — в условиях, где единственный транспорт подчас лошадь, — это геологам, врачам, метеорологам, пограничникам.

Другие находят в этом здоровый и полезный отдых, они — постоянные гости пунктов проката.

Кстати, такие пункты есть и в некоторых других стра-

нах, однако разница в оплате разительная. В США поехать верхом час обходится в 8 долларов, Канаде — 10 долларов, ФРГ — 20 марок, Франции — 24 франка. Комментарии, как говорится, излишни.

В СССР пункты проката работают в Москве, в Сестрорецке под Ленинградом, в столице Украины — Кивее, Горьком, на Урале... Самый большой организован 20 лет назад при Московском центральном ипподроме. По сути дела, это школа, но очень своеобразная. Основал эту школу Георгий Рогалев — известный специалист выездки, международный арбитр, судивший множество крупнейших соревнований, человек, которого знают не только члены Международной федерации конного спорта, — ФЕИ, но и многие тренеры и спортсмены различных стран. Но пост первого директора этой школы был предоставлен ему не только поэтому. Рогалева давно обуревала идея создания такой конной школы, девизом которой было бы — «здоровье, бодрость, долголетие, общение с животным, а следовательно — с природой», что является великолепным стимулом в жизни каждого человека.

Предоставим слово самому Рогалеву:

«В школу мы принимаем с десяти лет, предельный же возраст не установлен. Приходи и кататься, если тебе даже сто или больше лет. Не имеет значения и физическая подготовленность. Единственное условие — прослушать вступительную лекцию по «технике безопасности езды», хотя в зале, где ездят в плохую погоду, и на трассах под открытым небом нет ни барьеров, ни каких-либо иных препятствий. Только езда шагом, рысью и несложные гимнастические упражнения.

Езда верхом рысью — не менее эффективное средство сохранения здоровья, нежели пресловутый бег трусцой, который сейчас широко пропагандируется в качестве панацеи от всех возможных недугов. Я задумал даже организовать специальную группу рейтартерапии — лечения верховой ездой, приобрел нужные пособия, но, к сожалению, не нашел подходящего медика. Однако надеюсь — найдем такого и все-таки организуем эту группу. Ведь с помощью рейтартерапии можно устранять последствия детского паралича и болезней двигательного аппарата.

Кстати, в санатории Железноводска на курорте Кав-

казские Минеральные Воды уже не один год и успешно используют конные прогулки (лошадей бесплатно предоставляют пациентам работники близлежащего известного Терского конного завода) для лечения некоторых желудочно-кишечных заболеваний, в качестве стимулятора пищеварительного аппарата, органов кровообращения, дыхания и нервной системы.

Пока же в нашей школе, повторяю, — только езда для здоровья. У нас 81 лошадь разнообразных пород, все ежедневно отдаются под седло и ходят под ним 3 часа. Это позволяет обслужить 1300 человек, которые приобрели абонементы на разные сроки. Как правило, эпизодическими гостями школы бывают только начинающие, из тех же, кто не разочаровывается, создаются новые отдельные группы. А так как разочаровывающихся очень мало, групп становится все больше. И подчас уже не помогает то, что занятия проводятся в одном из самых больших манежей Европы (его размер — 96 м на 24 м). Уже сейчас школа работает без выходных, а что будет дальше? Дальше придется, видимо, думать об открытии новых таких школ. Дело-то очень стоящее...»

* * *

Все более популярными становятся конные путешествия. Их организуют, в частности, туристская база «Катунь» Бийского района Горно-Алтайской автономной области, «Теберда» Карачаево-Черкесской автономной области, «Арский камень» Белорецкого района Башкирской АССР, Дом ученых в Дубне...

* * *

Словом, для развития конного спорта, верховой езды вообще делается немало.

И все-таки еще много людей остается «за бортом» конноспортивных секций, кружков, клубов и пунктов проката, потому что баз не хватает, как не хватает и спортивных лошадей.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию коневодства», принятое 27 апреля 1981 года, открывает широкие перспективы для даль-

нейшего развития конного спорта в нашей стране. Во всяком случае уже в ближайшие два-три года количество занимающихся верховой ездой у нас должно увеличиться на 15—20 процентов, а до конца текущей пятилетки будут созданы 54 межведомственных сельских конноспортивных клуба, и в том числе 10 в Российской Федерации. Такую задачу поставил перед спортивными организациями страны Спорткомитет СССР.

А когда-нибудь и каждый желающий сможет ездить верхом — я верю в наступление такого времени...

ОСТОРОЖНО: В САМОЛЕТЕ ЛОШАДИ!

Н а летних Олимпийских играх 1968 года в Мексике советские спортсмены завоевали двадцать девять золотых медалей. Одна из этих высших наград принадлежит коннику Ивану Кизимову. Но сказать, что его медаль «одна из» нельзя, она особая, весомая вдвойне.

ГРЕВОГА НАД АТЛАНТИКОЙ

Самолет голландской авиакомпании КЛМ, мерно гудя моторами, летел над Атлантическим океаном. Нужная высота была набрана, курс на Монреаль взят предельно точно, и сейчас командир экипажа «передал» управление машиной автопилоту.

Это был специальный рейс — из серии тех, отличным исполнителем которых слыла именно компания КЛМ. На сей раз все тоже шло хорошо, и экипажу можно было чуточку отдохнуть, покурить, выпить кофе: ведь это был уже второй этап марафонского маршрута, который начался в аэропорту Шереметьево в Москве, а завершиться должен был в Мехико-сити.

В Стокгольме была короткая остановка: едва заправились, снова в воздух. А сейчас летели в самый крупный канадский город (даже столица, Оттава, меньше Монреаля), откуда предстояло совершить последний бросок — в мексиканскую столицу.

И теперь все отдыхали, пили кофе, переговаривались. Минута проходила за минутой, десятки километров улетали назад, на восток, моторы продолжали ровно гудеть...

И вдруг послышался какой-то стук по дощатому настилу. Сопровождавшие этот самолет два специальных сотрудника фирмы КЛМ, не сговариваясь, вскинули головы и стали ощупывать глазами внутренность салона.

Стук прекратился, но двое продолжали всматриваться и вслушиваться. Колоссальный опыт подсказывал им, что стук тот был не к добру и что он обязательно повторится.

И действительно. Через какое-то время целая дробь ударов, уже гораздо более сильных, прокатилась по настилу.

Двое вмиг поднялись со своих мест и шагнули в середину салона. Из тринадцати одинаковых отсеков они уверенно выбрали один, подошли к нему и стали наблюдать за тем, что в нем происходило.

В отсеке находилась... лошадь. Да-да, лошадь. В этом самолете из Москвы в столицу Олимпийских игр 1968 года везли коней советской команды.

С лошадью происходило неладное. Она вертела шей и головой, выкатывала глаза и била ногами по полу, или «копала», по выражению всадников. Остальные четвероногие пассажиры сохраняли пока спокойствие, никак не реагируя на метавшегося в отсеке соседа.

Сопровождавшие подозвали старшего группы наших конников. Этим старшим был ветеринарный врач российского спортивного общества «Урожай» Анатолий Доильнев. Он тоже услышал стук, вскочил с кресла, стоявшего в хвосте самолета, и теперь быстро шагал к манящим его голландцам.

— Вот хенпен? Что случилось? — спросил он встревоженно и не совсем правильно с точки зрения английского языка.

Те молча показали на отсек с беспокоившейся лошадью.

Доильнев подошел к боксу и сразу обо всем догадался. Нет, он еще не знал, что именно стряслось с Ихором, зато прекрасно понял, зачем подозвали его сопровождавшие. Нужно было решать, что делать и как ответить на предложение голландцев, которое сейчас последует. Предложение немедленно успокоить лошадь, а если это не удастся, они умертвят ее.

У сопровождавших было на это право. Дело в том, что «лошадиные» рейсы — чрезвычайно нелегкие и, главное, опасные. Очень опасные. Случись что в воздухе — вот как сейчас с Ихором, — и лошадь начнет буйствовать. Взволнуются остальные четвероногие пассажиры, и самолет окажется в смертельной опасности. Смертельной, без всякого преувеличения. Достаточно сказать, что лошади могут просто проломить обшивку самолета копытами...

Чтобы не допустить этого, в лайнере и находились

эти двое специальных охранников. Им был дан ясный и четкий приказ: если коня не удастся быстро утихомирить, его следует «нейтрализовать».

«Что делать? Что делать?» — лихорадочно думал Доильнев, пытливо всматриваясь в Ихора, пытаясь определить, что именно с ним все-таки произошло. А конь продолжал «копать», стал уже мокрым с головы до ног от болезненного напряжения, и Доильнев решил, что у Ихора — колики.

Почему именно колики? Да потому что это заболевание желудочно-кишечного тракта — самое распространенное у лошадей. А кроме того, медлить было нельзя, охранники в любой момент могли воспользоваться особым пистолетом...

Доильнев видел такие и знал, что в обычной обстановке они применяются с целью вызвать летальный исход у лошадей, которые получают на соревнованиях или тренировках неизлечимые травмы.

Этот пистолет — вороненый, как все, но в виде небольшой трубы длиной 30—40 сантиметров. Похож на прибор, с помощью которого медики когда-то брали кровь из пальца. Вместо пули в него вставляется специальная капсула. Однако действие тоже мгновенное. Нажав на спусковой крючок — и все. Нет больше коня.

Доильнев бросился со всех ног за медицинской сумкой, принес, вынул из нее новокаин, шприц и молниеносно сделал Ихору укол.

— Вот из ит? Что это? — спросили в один голос охранники, но Доильнев даже ответить не мог — в горле пересохло от волнения — и просто показал голландцам большой палец: мол, великолепное средство, и все будет о'кей...

Вообще-то, если быть честным, причем вполне, то он вовсе не был уверен в правильности своего скоропалительного диагноза, однако где было взять время?! И как осмотреть коня в самолете, где лошади тесно, одна к другой, стоят в боксах-ячейках?! Эти боксы, которые можно назвать лошадиными контейнерами, даже собираются прямо внутри самолета — настолько экономится место... Происходит эта сборка так. При посадке вводят первого коня по трапу через двери-ворота на борт, ведут по узкому проходу в носовую часть самолета, оставивают в нужном месте, потом поднимают вокруг

лошади особые щиты-стенки, прикрепленные снизу тросами к полу. Передняя стенка устанавливается прямо перед шеей лошади, задняя — у самых ног. После этого верхние части стенок тоже закрепляют тросами. В результате конь оказывается как бы в отдельном крошечном деннике. Снаружи видны лишь голова, шея да немножко круп.

Поставят таким образом одну лошадь, затем заводят вторую и закрепляют в таком же боксе рядом с первой. И так — семь ячеек вдоль правого борта и столько же вдоль левого. Итого можно погрузить четырнадцать лошадей. Правда, на этот раз один бокс пустовал — весь наш олимпийский табун составляли тринадцать скакунов.

Из-за одной пустой ячейки боксы не стали больше, осмотреть коня в таком контейнере, где и самой-то лошади повернуться негде, было просто физически невозможно.

Словом, Доильнев с тревогой ждал, что будет дальше. Хорошо еще охранники не слишком торопили, тоже на что-то надеялись...

И — о чудо! Ихор в самом деле стал понемногу успокаиваться! С каждой минутой все реже и тише «копал», все меньше расширял зрачки и вертел шеей...

А еще через какое-то время утих совсем. «Значит, лекарство подействовало, значит, попал в точку», — подумал Доильнев.

Охранники все-таки продолжали стоять у бокса, однако Анатолий с облегчением отмечал, что суровые складки на их лицах постепенно разглаживались и напряжение медленно покидало их...

«Неужели пронесло, неужели Ихор уцелеет?» — так же стремительно, как КЛМ над океаном, пролетало в мозгу врача, который, кажется, только сейчас осознал, перед какой опасностью стоял Ихор.

Доильнев тоже продолжал наблюдать за успокоившейся лошадью. Затем посмотрел на часы. Еще не скоро. Но делать было нечего. Оставалось только ждать, ждать, уповая на новокаин и — на продолжение чуда.

Им — этим двоим — бесполезно говорить, что Ихор — самая твердая надежда советских конников, что он очень дорого стоит, может быть, десятки тысяч рублей. Впрочем, они это наверняка и сами знают... Но у них инст-

рукция, и, надо признать, инструкция правильная, что там ни говори...

И все-таки, если бы охранники настаивали на необходимости умертвить Ихора, Доильнев, наверно, сказал бы им что-нибудь вроде: «Меня стреляйте, а эту лошадку убивать не позволю...»

Но почему «сказал бы»? Может быть, это еще придется сказать: полет-то еще не кончился! Может случиться рецидив, и уж тогда охранники мешкать не станут?..

Однако допускать подобные мысли было нельзя, и Доильнев заставил себя думать о другом: о том, какая сейчас погода в Монреале, к которому самолет, несмотря ни на что, неуклонно приближался...

КОННИК ПОНЕВОЛЕ

Кизимов почти не спал ночь, после того как лошадей отправили в Мексику. Как-то не по себе ему было. Он перебрал в памяти все, что происходило в последние дни, пытаясь выискать, в чем мог «оступиться». Но ничего такого вспомнить не сумел.

И все-таки было, наверняка было что-то такое, из-за чего он сейчас не мог сомкнуть глаз. Интуиция и предчувствия не всегда ошибочны и беспочвенны. Так что же он сделал не так?!

И опять он мысленно просматривал события последних дней.

Нет, вроде все он делал правильно, во всяком случае, как обычно...

И тут, на этом «обычно», Кизимов остановился. Все было как обычно, как бывало уже много раз, но — все, да не все. Еще никогда раньше наших лошадей не доставляли на соревнования воздушным путем. Они путешествовали в поездах и в автомашинах, на пароходах и паромках, но в самолете летели сейчас впервые. И этот полет или что-то связанное с ним и тревожили Кизимова.

Но что именно?

Трудно сделать первый шаг, второй дается гораздо легче. Очень скоро Кизимов уже твердо знал причину своего беспокойства.

Поролон — вот из-за чего волновался он...

Ну да, новый синтетический материал, который использовали, чтобы защитить голову и ноги лошадей от возможных ударов во время полета. Шорно-экипажная фабрика изготовила специальные приспособления из поролон, которые надевались на голову лошади и прикреплялись наподобие хоккейных шлемов. Ноги же укутали листами поролон и потом крепко забинтовали.

Многие восприняли эту новинку с энтузиазмом. И, казалось, сомневаться в ее целесообразности не было никаких оснований. Но сейчас Кизимов подумал, что этот поролон — палка о двух концах. Да, он, этот материал, действительно хорошо должен защищать от ударов, однако он может и принести вред. Если затянуть бинт слишком сильно, поролон превратится в своеобразный жгут, который может нарушить кровообращение. Теперь Кизимов был убежден, что именно это и случилось с Крохотным — конкурной лошастью, которая захромала после прибытия из Цахкадзора, где советские всадники и их кони проходили акклиматизацию перед высокогорным Мехико. А думали, Крохотный повредил ногу, когда уже «своим ходом» добирался на спортивную базу «Планерная» под Москвой, думали, получил «чистую», как говорят спортсмены, травму, потому что отечность и припухлость были точно как при брокковых разрывах сухожилий...

Нет, не то это было. Это перетяжка поролон, слишком крепко забинтовали Крохотному ноги...

Так, может, вот это — то, что он сделал не так... Может, перестарался, отправляя Ихора из Москвы в Мехико?...

Чем дольше Кизимов думал об этом, тем больше росла уверенность. Да, конечно, перетянул бинты...

Но, может, все-таки он придумывает все эти страхи, ведь ничего не случилось с Ихором по дороге в Москву!

Да, не случилось, потому что тогда бинтовали не слишком туго, а в Москве — Кизимов будто видел это сейчас — он затягивал поролон... И особенно сильно — на задних ногах...

Он так и лежал, не сомкнув глаз, хотя надо было спать: утром предстояло много предотъездных дел.

...Нет, что ни говори, а ни в каком другом виде спор-

та не существует таких сложных проблем, как и конном. Ведь только в нем успех зависит сразу от двух одушевленных существ — человека и лошади. От двух. От обоих вместе, в неразрывном единстве. Случись что с одним, второй тут же расплачивается за это. И нужно все время помнить и думать не только о себе. В общем, забот коннику хватает...

Но не стать конником Кизимов просто не мог. Сменю, но даже хутор, где Иван появился на свет в 1928 году, назывался Жеребков.

Жизнь отца Кизимова была все время связана с лошадьми. В начале тридцатых годов, когда по указанию С. М. Буденного были организованы конные заводы, уехал на один из них — под Новочеркасском. Там и работал, сначала табунщиком, потом бригадиром. Иван много времени бывал при нем, рано привык к лошадям, научился ездить верхом.

Это очень пригодилось Ване: ведь школа находилась в восьми километрах от табунной точки, где Кизимовы жили большой семьей — отец, мать, пятеро детей.

Поначалу отец сам возил в школу Ваню и его сестренку: ее посадит сзади, его — впереди. Когда же Ване исполнилось десять лет, он стал ездить один. Завод выделил ему «монгола», маленькую такую лошадку, ростом всего 130 сантиметров.

Потом началась война, отца взяли в армию, старший брат тоже ушел на фронт, и Иван остался за главного в доме. Ему передали отцову лошадь, бурку, снаряжение и вместе со всем этим должность табунщика.

А после войны руководство завода решило направить Ивана Кизимова в школу тренеров-жокеев, которая тогда открылась в Луганской (ныне Ворошиловградской) области. «Хочешь быть жокеем?» — спрашивали его и «рисовали», как это здорово — скакать верхом на ипподромах, ставить рекорды скорости на самых лучших лошадях самых лучших пород...

Ну разве откажется юноша, который родился в сельской местности, много лет общался с прекрасными животными, от столь заманчивого предложения? И Иван согласился: в октябре 1945 года он уехал в эту школу и окончил ее через два года.

Как ни мучительно тянулось время, оно все-таки шло. Вот уже целый час Ихор вел себя спокойно.

Монреаль приближался. Однако долететь лишь до него было еще мало. Впереди были еще посадка, короткая, как и в Стокгольме, стоянка, а потом — последние несколько часов полета до Мехико.

«Но ты продержишься, продержишься, — говорил тихо Доильнев, ласково поглаживая шею Ихора. — Ты же у нас умница, понимаешь, как это нужно, чтобы ты продержался. А когда долетим, мы тебя внимательно осмотрим, все как следует выясним, узнаем, что у тебя такое, и быстренько вылечим. Ничего серьезного у тебя нет, ты просто устал, и у тебя к тому же колики... В общем, все-все будет хорошо, и твой хозяин увидит тебя в полном здравии и порядке...»

Анатолий успокаивал не только Ихора — самого себя. Неизвестно даже, кого больше. Его олимпийский дебют начался неудачно...

Этот дебют вообще был неожиданным. Сопровождать команду должен был майор ветеринарной службы Максим Иванович Старостин, врач из ЦСКА. Доильнев же числился его дублером и не собирался никуда лететь. Однако случилось непредвиденное: у Старостина тяжело заболела жена. Последнюю подготовку лошадей к олимпийским соревнованиям пришлось вести Доильневу, срочно вызванному в Цахкадзор.

Спешка была такая, что даже медикаментами он вынужден был пользоваться только теми, которые заготовил Старостин, хотя у каждого врача своя методика и принципы лечения, а значит, и набор лекарств.

Вполне возможно, будь они у него подобранные им самим, Доильнев избрал бы для укола что-нибудь более сильно действующее... Но, может быть, у Ихора и вправду были всего-навсего обыкновенные колики...

Прошел еще час, потом еще один, и вот самолет пошел, наконец, на посадку.

Это был Монреаль.

Лошадей и тут оставили в боксах. Зато покормили и напоили, благо за едой и водой ходить пикуда не нужно было. Все необходимое в таком далеком путешествии имелось в самолете — взяли из Москвы. Овес, сено, от-

руби, сахар, вода в больших молочных баках... В последний раз эти баки заправили сейчас, в Монреале, хотя лететь оставалось совсем уже недалеко и недолго.

Да, недалеко и недолго, однако кто мог поручиться, что больше ничего не случится?!

Доильнев, во всяком случае теперь, поручиться ни за что не мог.

Но... Вот и говори после этого, что чудес не бывает! Бывают они, еще какие! Вспышка буйства у Ихора так и не повторилась ни во время стоянки, ни во время последнего отрезка пути... Не повторилась до самого конца перелета!

Нет, моментами Ихор все-таки выдавал беспокойство, однако совсем не сильное, и вид у него был уже вовсе не такой угрожающий, как тогда, в первый раз, над Атлантикой...

Когда колеса самолета застыли на аэродроме мексиканской столицы, казалось, можно было сказать: «Ну, вот, все кончилось благополучно». И двое сопровождавших так и сказали Доильневу. И он сам, улыбаясь и благодаря, кивнул. Однако то, что все кончилось благополучно, действительно только казалось. Когда лошадей выводили из самолета, Доильнев заметил, что Ихор... хромает на шаге. Все кони буквально шатались после долгого и утомительного полета, Ихор тоже, но он еще и хромал... Уж в этом-то Доильнев разбирался...

«Вот тебе и благополучно... Значит, Ихор повредил ноги». Но сейчас нельзя было показывать окружающим свое беспокойство; рядом были не только свои, а чужие ничего не должны знать. Не то разнесутся слухи, и неизвестно, чем все это кончится...

Тем временем уже подошли коневозки, в них погрузили лошадей и повезли в олимпийский центр конного спорта.

В автобусе Доильнев сел у окна, но непривычные глазу экзотические пейзажи не отвлекали. Доктор все время думал об Ихоре, о его хромоте.

По приезде в конный центр лошадей прежде всего повели в... баню. Организаторы устраивали ее для всех без исключения четвероногих. Там лошадей вымыли и обдали с головы до ног струей из смеси дезинфицирующих средств. И это несмотря на то, что во всех странах перед отъездом на Олимпийские игры лошади про-

или карантин, предусмотренный правилами Международной федерации конного спорта и таможенными уложениями.

Кашу маслом не испортишь — по этой пословице действовали мексиканцы.

После душа лошадей разместили в отдельной конюшне. Вот здесь Доильнев, наконец, смог как следует осмотреть ноги Ихора.

Долго размышлял он после этого осмотра, и в результате от предварительного диагноза пришлось отказаться: нет, это не была «воздушная» травма, это была перетяжка. Виноват прежде всего Кизимов, но и он тоже хорош. Только и оправдание, что спешка в Москве была невероятная, он просто физически не мог стоять над каждым спортсменом. Ихор был в бинтах с поролоном много часов подряд, и потому анемия конечно-стей, особенно задних, оказалась тяжелой.

Доильнев смазал ноги Ихора мазью, забинтовал и тут почувствовал, что конь еще и затемпературил! Смерил — точно: у Ихора было за тридцать девять, хотя нормальной у лошадей считается 37,5 градуса. Пришлось сбивать температуру антибиотиками...

...Покидая поздно ночью конюшню, измученный Доильнев с тихой грустью думал о том, что вправду в народе говорят: беда не приходит одна. Хорошо, конечно, уже одно то, что Ихор вообще уцелел. Как рассказали ему охранники после прилета в Мехико, недавно в таком же рейсе пришлось умертвить несколько высококлассных английских скакунов...

ОТ ТРОЕБОРЬЯ ДО ВЫЕЗДКИ

Два года Кизимов работал жокеем — вначале в Сальске, потом в Ростове-на-Дону, до тех пор, пока его не призывали в армию.

Многие юноши именно в армии приобщаются к спорту. А те, кто уже был физкультурником, обязательно продолжают совершенствоваться. Но Кизимов, к сожалению, попал не в кавалерийскую часть, как ему и самому хотелось, а в пограничные войска, причем как раз в те, где верховая езда не использовалась в ходе службы.

И все-таки он вернулся в конный спорт. Это случилось через три года в Новочеркасске, куда к тому времени переехали жить родители Кизимова.

Новочеркассск был тогда, можно сказать, студенческим и конноспортивным городом: там было много учебных заведений, да еще секции конного спорта, да еще давние традиции казачьих мест... Надо ли удивляться, что в городе началось бурное увлечение верховой ездой.

Кизимов начал работать инструктором конного спорта в школе ДОСААФ, готовившей допризывников-разрядников. Тренировал других, а затем сам попробовал силы — сначала в скачках, в частности в стипль-чезе, потом в троеборье.

Итак, в отличие от конников-спортсменов, иногда переходящих из любителей в профессионалы, Кизимов проделал обратный путь. Вначале он был жокеем, а жокеи, скачущие на верховых чистокровных лошадях (как и наездники, сидящие в запряженных рысаками колясках), — это именно профессионалы. Они испытывают лошадей на ипподромах, добиваются как можно большей резвости своих подопечных, отбирают коней-рекордсменов, лучшие из которых выступают на крупнейших международных соревнованиях. Троеборье же — олимпийский вид конного спорта, любительский. Кизимову оно давалось сравнительно легко. Сказывалось приобретенное еще в детстве умение скакать по любым дорогам и даже бездорожью, смелость и уверенность при езде верхом.

Тем не менее особых успехов на соревнованиях он не добился, если не считать победы в 1957 году во Львове на чемпионате клубных команд страны. Ему досталась тогда очень хорошая лошадь Сатрап: на ней наши всадники выступали на Олимпийских играх двенадцать лет подряд!

Были, правда, некоторые достижения на всероссийских состязаниях, но все это, как считал он сам, «типичное не то». И Иван «переключился» на другой олимпийский вид конного спорта — конкур. Выступал в этом виде весь 1958 год — последний год жизни в Новочеркасске: как раз тогда его пригласили работать тренером конюристов в Ленинград, где с тех пор он живет постоянно.

Наверное, Кизимов так и продолжал бы совершенствоваться в конкуре и как спортсмен, и как тренер, да тут наставник мастеров выездки уехал в Москву насом, и Ивану предложили: Михалыч, а не возьмешься ли ты за выездку? И Кизимов согласился.

Скажете: непостоянный, сам не знал, чего хочет... Наверно. Он знал, чего хотел — найти то, в чем его способности (а Иван был уверен, что они есть) проявились бы как можно полнее. Из всех составных частей троеборья наиболее удачной у него была именно манежная езда. Он вообще любил ее. До этого уже неплохо выезжал лошадей. Ему нравилось наблюдать за тренировками и выступлениями мастеров выездки, пытался и сам пробовать силы в таких соревнованиях.

Наверное, это заметили и другие, поэтому и предложили занять должность начальника ленинградской выездки именно Кизимову.

Вот таким образом он стал заниматься третьим олимпийским видом конного спорта — выездкой, которая оказалась и в самом деле его истинным призванием.

Кизимову прежде всего нужна была подходящая лошадь. Когда-то у Ивана была такая. Хитон. На нем Кизимов и получил первые навыки высшей школы верховой езды, отработал, как говорят всадники, и пассаж, и пиаффе, менку ног и многое другое.

А где было взять хорошую лошадь теперь?

Помог случай.

Произошло это так...

Вызвали Кизимова в городской Спорткомитет и говорят:

— Иван Михайлович, у нас остались неизрасходованные средства, а вашей школе требуются лошади. Так вот бери ты эти деньги, поезжай на какой-нибудь конный завод и покупай, если найдешь и успеешь, скакунов, которые по душе придутся.

До истечения срока реализации денег оставались считанные дни, и все-таки Кизимов не мог не воспользоваться предоставившейся возможностью. Такая выпадает не часто, и конники это особенно хорошо знают.

В общем, Кизимов купил билет на самолет и отправился в Киев, а оттуда — на знаменитый Александрийский конный завод.

Двадцать девятого декабря — он запомнил этот день навсегда — Кизимов появился на заводе и без предисловий спросил: «Лошади на продажу есть?» — «Есть, как не быть, — отвечают, — но только стоят они не в скаковой и не в спортивной конюшне, а там, где рабочие лошади».

Кизимов понял сразу, что это или выбракованные кони, или, в лучшем случае, не подошедшие для продажи покупателям. Видимо, их уже и не надеялись продать.

Но что было делать? Кизимов попросил вывести лошадей на улицу, однако пошел проливной дождь, и потому «смотрины» состоялись прямо в конюшне, в проходе.

К его радости, лошади оказались неплохими, и Иван купил семь голов, в том числе и Ихора. Тот выглядел очень симпатично, совсем молодой, со «звездочкой» во лбу и задние ноги в «носках».

Несколько смущало то, что шея у Ихора была коротковата, но движения оказались приятные. Спросил, какой породы, ответили, что мать — венгерка, а отец — тракен.

Венгерка — значит, произошла от неизвестной кобылы и чистокровного жеребца. Тракен — производное от названия «тракененская порода». Скакуны такого типа особенно подходят для конкур, а Кизимов и отбирал тогда лошадей в основном для этого вида.

Но когда Иван вернулся домой (теперь его домом стал Ленинград) и уже поработал с другими конями некоторое время, Ихор вдруг привлек его внимание как перспективная лошадь для выездки, и Кизимов взял его себе.

Впервые он решился выступить на Ихоре в официальных соревнованиях — это был чемпионат Ленинграда — только через полтора года. Столько времени ушло лишь на первый этап — «формирование» коня, как это называется у мастеров выездки. Ихору было тогда примерно три года. А когда ему исполнилось четыре, Кизимов участвовал уже в чемпионате страны, причем даже в розыгрыше Большого приза. Ведь соревнования по выездке в соответствии со сложностью программы делятся на Малый, Средний и Большой призы. Последний наиболее трудный. Именно в нем выступают самые искусные, и как раз Большой приз и разыгрывается на крупнейших турнирах — Олимпийских играх, чемпионатах Европы и мира.

Первое выступление на чемпионате страны принесло Кизимову лишь тринадцатый результат. Но всего через год они с Ихором были уже шестыми, а еще через один — накануне Олимпиады в Токио — Кизимова включили в сборную команду СССР.

Это был 1964 год.

В общем, Ихор оказался в выезде очень способным.

Перед Токийскими играми Кизимов с Ихором впервые побывали за границей. Выступали на так называемых предолимпийских соревнованиях в западногерманском городе Аахене, известном своими конноспортивными традициями.

Народу на эти состязания пришла масса, всюду флаги, украшения, пестрые цветы... Ихор увидел такое в первый раз, испугался и стал выказывать во время выступления непослушание. После этого даже возникли сомнения: брать или не брать их на Олимпиаду. Настоял талантливейший и объективнейший Г. Т. Анастасьев, бывший тогда тренером сборной. Он сказал: «Молодая и перспективная лошадь, этот Ихор».

Последний отрезок пути в Токио преодолевали парходом, попали в шторм, и конники СССР привезли лошадей в столицу Японии в плачевном состоянии. Тогда и стали подумывать о самолетах...

Ихор тоже приплыл в Токио не совсем здоровым, да еще испортила дело его игривость, свойственная молодым лошадям. В ходе выступления он пиаффовал, пасажировал, да только не всегда, когда нужно. В общем — только десятое место.

Естественно, Кизимов был недоволен, однако арбитрам Ихор понравился, а это очень важный фактор. Судейство в конном спорте напоминает судейство в фигурном катании. И здесь, что греха таить, есть место субъективизму, «прежнее впечатление», то есть впечатление от предыдущего выступления, имеет очень большое значение при оценке езды того же спортсмена на следующем турнире. Так что понравиться судьям значило достаточно много.

Но Ихор пригляделся арбитрам вовсе не случайно: он был действительно красив и талантлив в выезде.

С тех пор Кизимов стал подниматься выше и выше. В 1967 году завоевал титул чемпиона страны в розыгрыше Большого приза и получил серебряную награду на чемпионате Европы, уступив лишь Райнеру Климке из ФРГ.

Вот как раз в том году и начали поговаривать о том, что Кизимов на Ихоре — один из главных претендентов на олимпийскую победу в Мехико.

ПОД ПОКРОВОМ ТАЙНЫ

По олимпийской «лошадиной деревне», как называли многочисленные туристы центр конного спорта в Мехико-сити, бродили толпы болельщиков. Они приходили сюда с самого раннего утра и не уходили до позднего вечера.

Вот и сегодня особенно рьяные поклонники верховой езды заполнили деревню едва ли не с первыми лучами солнца.

Вход сюда был, вообще-то говоря, закрыт, однако все равно посетителей набиралась масса. Приходили и приезжали и официальные лица — руководители ФЕИ, и почетные гости, и журналисты. Прибавим к этому сопровождающих, затем тех, кто дает объяснения посетителям, потом счастливчиков, всегда умудряющихся достать пропуск в любые места, наконец, самих конников, конюхов, берейторов, тренеров, судей, представителей...

Словом, не было в «лошадиной деревне» места, где бы не стояли, не ходили и не разговаривали люди.

Здесь и в самом деле было что посмотреть. Уютная территория, красивые здания, живописные стога «самой лучшей», — как с гордостью говорили мексиканцы, — «соломы», которая шла на подстилки и менялась дважды в день, специальная лошадиная кухня, изысканные газоны, ну, а главное, конечно, — кони. Каких только пород тут не было! И каких только мастей!

Лошадей-то и разглядывали прежде всего многочисленные посетители. И только Ихора еще никто не видел: показывать его посторонним было нельзя. Уже наутро после прилета в Мехико, когда Доильнев разбинтовал его ноги, то обнаружил некроз. На путовых суставах и вкруговую на ногах Ихора появились язвы.

Теперь стало ясно: лечение предстоит долгое и трудное. Особенно тут, в условиях высокогорья, где заживление идет очень медленно. Тут даже простые ссадины и ушибы держатся неделями — такова специфика этих мест, специфика, которую нельзя обмануть, перехитрить, словом, «обойти» даже опытному врачу.

Как именно лечить? Это следовало решить как можно быстрее, однако сначала надо было попытаться сделать так, чтобы ничего не заметили мексиканцы, собравшиеся тем же утром проверить у лошадей температуру.

(Организаторы конноспортивных соревнований страшно боятся болезней животных.)

Доильнев торопливо закрасил раны на ногах Ихора — навел, что называется, камуфляж. Едва успел. Но Ихор после антибиотиков и спокойной ночи на земле прошел температурную проверку на «отлично». И потому Доильнев наивно предположил, что еще никто и ничего не знает о случившемся.

...Прилетев в Мехико, советские всадники сразу отправились в Олимпийский центр конного спорта, и первым, кого они встретили, оказался западногерманский тренер К. Шульхайс. Кизимов его хорошо знал.

— Уже здесь? — спросил Кизимов.

— Давно, — ответил Шульхайс. — Меня пригласили как консультанта.

— Наших лошадей видел, как они долетели? — продолжал спрашивать Иван.

И услышал:

— Все живы и здоровы, только твой Ихор... — Шульхайс огорченно покачал головой.

— Что Ихор?

— У него ноги до живота забинтованы, наверно, покалечился. — Шульхайс сочувственно хлопнул Кизимова по плечу.

У Ивана пересохло во рту. «Не зря переживал, как сердце чувствовалось», — и он стремительно зашагал к конюшне.

Влетел в денник Ихора, нагнулся и пришел в ужас от увиденного. «Все, конец надеждам, вот тебе и фаворит». Кизимов выпрямился, повернулся к стоявшему рядом Доильневу и тихо сказал:

— Это я во всем виноват.

— Да разве в этом дело? — запротестовал врач. — Все мы в общем-то виноваты. Главное сейчас — вылечить Ихора.

Иван с грустью посмотрел на Доильнева.

— Постараться вылечить, — уточнил тот.

— Да, — согласился Иван. — Постараться, конечно, надо.

Он решил прежде всего немедленно съехать в наш главный медицинский центр, открытый в Мехико-сити. Там он разыскал профессора Миронову. Разыскал и попросил:

— Помогите, Зоя, у Ихора с ногами плохо.

Миронова знаменита своими работами в области спортивной медицины, но не все знают, что она разбирается и в лошадиных болезнях, особенно, если дело касается конечностей. Ни слова не говоря, она взяла свой чемоданчик и поехала с Кизимовым. Осмотрела Ихора, достала какую-то мазь и сказала только:

— Вот этим мажьте... А все остальное — решайте сами.

Кизимов с Доильневым долго обсуждали детальный план лечения. Кроме медикаментов, отобранных самим Доильневым, и мази Мироновой, решили использовать «чудодейственную» мексиканскую траву.

Тренироваться на Ихоре пока было нельзя, но вывести на прогулки необходимо. Начали это делать рано утром или поздно вечером.

Чтобы раны заживали быстрее, не следовало их бинтовать, но... «самая лучшая солома», которая использовалась для подстилки и которая на нашу мало похожа, занозами проникала в незабинтованные путовые суставы. Тогда эту солому вообще убрали, а Ихора оставили на голом асфальте и старались поливать его как можно чаще. И конечно, продолжали подкрашивать раны, чтобы они не бросались в глаза. Ведь известие о теперешнем состоянии Ихора могло повлиять на будущие оценки судей. И это несмотря на то, что перед соревнованиями лошадей осматривает специальная ветеринарная комиссия, которая больное животное на старт ни за что не выпустит.

Все, кажется, было предусмотрено и продумано. Теперь дело было за самим Ихором.

Кизимов спасался работой: еще и еще раз осматривал и подгонял снаряжение. Оно у него и так всегда в полном порядке, а тут превзошел сам себя. Уж, кажется, все хорошо, но нет: посмотрит, повертит в руках, и опять — то седло все проверит, то подпругу подтянет, то ремешок или надставит, или, наоборот, урежет, то подушечку пододбьет.

Когда Ихора прогуливали, Кизимов обязательно был рядом, внимательно смотрел, как лошадь двигается, шагает.

А она с каждым днем шагала все лучше, уверенней. Раны начали заметно затягиваться. А еще через не-

сколько дней Иван даже осмелился на первую тренировку!

Конечно, она была короткой, но главное — конь на глазах обретал прежнюю легкость, силу и изящество движений...

«Неужели обойдется?» — не верил себе Кизимов, явно ощущая на следующих тренировках, как восстанавливается мощь и мастерство Ихора. Он стал заниматься с лошастью и в дневное время в проходе пустовавшей конюшни.

«Как хорошо, — еще и еще раз думал он, — что лошадей доставили с большим запасом «прочности», почти за две недели до соревнований! Иначе бы не успеть...»

Лишь за три дня до старта Кизимов впервые отработал всю программу Большого приза. Это первое «выступление», тайное, как и тренировки, посмотрел старший тренер сборной.

— Что? Ну, как? — отчаянно волнуясь, спросил Кизимов.

И вдруг Анастасьев сказал:

— Ну, Иван, если так на Олимпиаде отъездишь, больше ничего и не надо.

Да, к этому времени Ихор и в самом деле был уже в полном порядке. Ивану казалось, что он даже в лучшей форме, нежели в Цахкадзоре. Может быть, потому, что там было очень уж жарко и тренировались слишком напряженно. Теперь, когда раны Ихора уже не беспокоили, он хорошо отдохнул, стал совсем, что называется, свежим.

ВОЛЯ, МАСТЕРСТВО И — УСПЕХ!

Двадцать четвертого октября на Мексиканских играх начались соревнования по выездке. Опытнейшему мастеру Ивану Калите снова, как и в Токио, пришлось пересест на запасного коня. И выходило, что наша команда состояла из... трех неизвестных. Калита — на «чужой» лошади, Петушкова — дебютантка Олимпийских игр, Кизимов — на Ихоре с его травмой. Хотя чувствовал Ихор себя как будто бы хорошо, но после всех передраг кто мог сказать, каким-то он будет на олимпийском манеже?

Когда Иван уже разминался перед стартом на запас-

ной площадке, приехал председатель Спорткомитета СССР. Посмотрел и говорит:

— А ведь ничего не осталось... Хорошо залечили... Молодцы.

Следы от ран и в самом деле нелегко было заметить: так искусно их подмазали белым стрептоцидом и мексиканской присыпкой бурого цвета.

— В общем, не унывай, Иван Михайлович, — сказал председатель, — все в порядке будет.

Это подбодрило Кизимова, да он и сам чувствовал: все, кажется, и вправду неплохо, и если постараться, показать все, на что способен, то...

С таким настроением он направился к главной арене. Там только что закончил выступление предыдущий участник, зрители еще обсуждали его езду, а по радио объявили:

— Иван Кизимов на Ихоре, Советский Союз.

Шум стал мгновенно гаснуть: лошади не выносят ни криков, ни аплодисментов.

Ласково похлопав Ихора по шее, Кизимов въехал в манеж, по средней линии направился к кабинке старшего судьи. Здесь он остановил коня, снял цилиндр и поклонился. Это тоже традиция: в лице главного арбитра приветствовать всех судей.

Тот встал и сделал ответный поклон, означающий: «Благодарю. Здравствуйте. Можете начинать выступление».

Точнее, не начинать, а продолжать, ибо приветствие судей уже входит в программу соревнований. Конечно, по сравнению со всем остальным, это довольно простая часть, но и тут случаются осечки. Скажем, спортсмен не в силах удержать коня на месте, и тот, вместо того чтобы стоять как вкопанный, нервно перебирает ногами, и в результате на самом старте можно недосчитаться дорогих баллов...

Кизимову с Ихором приветствие удалось. Теперь вперед, начинается главное...

Выездку можно сравнить с обязательной программой фигуристов (видимо, поэтому и судейство несколько схоже). И тут и там все без исключения участники выполняют одни и те же упражнения. Но если в фигурном катании судьи после каждого выступления могут проверить свои впечатления, рассмотрев рисунки, оставленные на

льду участником, и даже вымерить отдельные линии, то в выездке арбитры оценивают мастерство спортсмена, так сказать, умозрительно. И самое главное для них — определить: естественны ли движения лошади. Ведь ныне наиболее высоко котируется так называемая свободная езда, которая предполагает довольно длительный путь подготовки лошади к соревнованиям, когда ее учат «фигурам», не нарушая и не угнетая ее природных данных, когда стараются сохранить именно естественные движения.

И вот теперь как раз такую — естественную и свободную — езду демонстрировал Ихор...

Нет, у них с Кизимовым не все шло гладко, были и неточности. Однако в целом, а это дороже всего, впечатление от их выступления складывалось приятное. Судьи все с большим удовольствием наблюдали за тем, как справляется этот дуэт с многочисленными сложностями программы Большого приза.

Спроси у Кизимова, сколько точно упражнений в программе Большого приза, и вот так, сразу, он, пожалуй, не скажет даже. Да и никто другой, наверное. Но это и необязательно: мастер выездки выполняет программу по памяти. Увидит букву на бортике — и уже знает: серпантин...

Что касается тактов, то есть количества шагов, которое обусловлено в каждом упражнении, то всадники просто считают про себя. Выполняют менку ног, которая идет в два темпа, и отсчитывают: «Раз... два... раз... два». Так поступал сейчас и Кизимов.

Ихор многое и сам помнит, но может и забыть. Кизимов помогает ему, незаметно подавая сигналы-команды: ох как это трудно...

Но сейчас Кизимову все удавалось превосходно. Удавалось одно движение за другим. Шел настоящий парад мастерства, ниспущенного на замечательных природных данных коня, способностях самого всадника, упорных многолетних тренировках и полном взаимопонимании человека и лошади...

Ихор, казалось, старался вдвойне, словно хотел отплатить людям за добро и внимание. Так или иначе, но столь великолепной выездки он не показывал еще никогда!

Даже Дюпльневу казалось, будто не было страшных

минут на борту голландского анналайсера, ран на ногах Ихора, долгого и трудного лечения, всех этих недавних волнений и переживаний, отчаяния и надежд...

Буря оваций разразилась на стадионе, когда Кизимов с Ихором покидали манеж!

Из воспоминаний Кизимова:

«Да, очень довольны были зрители. А специалисты интересовались, как я стал таким мастером. Я учился у многих, но особенно у Григория Терентьевича Анастасьева. Он считал, что, когда садишься на лошадь, нужно давать ей больше свободы, или, как я это называю, развешивать коня, вымахивать его на свободных аллюрах.

Вообще-то основная ученица Анастасьева — Петушкова, она в Москве жила, я же был чем-то вроде ленинградского филиала сборной в одном лице, и потому меня можно еще назвать кустарем-одиночкой.

Так или иначе, мое выступление всем понравилось. Да и самому казалось, что многое нам с Ихором удалось. И это несмотря на то, что лошадь была возбуждена в результате болезни. Нехорошо так говорить, но все-таки скажу: был убежден, что выступил лучше остальных».

Однако сумма Кизимова была не лучшей. Впереди на сорок два балла оказался выдающийся западногерманский конник Йозеф Неккерман — владелец универсальных магазинов, имеющий собственную конюшню с несколькими высококлассными лошадьми, берейторами, конюхами, грумами...

Кизимов, понятно, был недоволен, однако главного он все-таки добился: принес команде наибольшее количество очков и завоевал право продолжать борьбу за титул олимпийского победителя.

Кизимов, Калита и Петушкова уступили только западногерманской команде, и наша сборная получила серебряную медаль.

На этом соревнования для большинства участников завершились. И лишь двенадцать тех, кто получил самые высокие оценки, могли выступить во второй день, когда разыгрывались личные награды.

Среди этих двенадцати, кроме Кизимова и Неккермана, были и оба других наших всадника.

Известно, что «последний бой, он трудный самый». Так оно и было. Но лучше предоставим слово Ивану Калите:

«Прекрасно помню выступление Кизимова во второй день. Сам я уже отъездил и теперь сидел на трибуне в качестве зрителя.

Командная езда, проводившаяся в первый день, значительно отличается от личной, или, как мы ее называем, переездки. Последняя — более короткая, зато гораздо более насыщена элементами сложными, такими, как пассаж, пиаффе и так далее. Но что интересно: советские конники, в том числе Кизимов, особенно сильны как раз в сложнейших упражнениях. Так что теперь, уже проверив боеспособность Ихора, мы заранее отдавали предпочтение Ивану. Однако одно дело расчет, хоть и вполне реальный, другое — само выступление.

То, что это не одно и то же, доказало случившееся с Неккерманом. Чтобы удержать лидерство, ему достаточно было выступить не хуже, чем накануне, а он так нервничал, что допустил несколько сбоев и ошибок. «Запорол» менку ног в один темп, начал принятие на рыси, а сорвался на галоп...

А вот Кизимов проявил колоссальную выдержку, буквально превзошел себя: спокойно управлял Ихором, и тот всю программу исполнил отлично. Им удалось практически все. Причем даже лучше, чем в первый день. Если тогда, например, Ихор недостаточно продвигался, как мы говорим, на прибавленной рыси, то теперь сделал это очень точно.

Вообще он выступал четко, «темписто», в одной манере. Упражнения на рыси, галопе, принятие, серпантины — ну, все-все у него получалось. Волнение сменилось какой-то, я бы сказал, уверенностью, веселостью, удалством настоящего классного коня, радующего глаз и душу...

Я-то лично убежден, что не один и не два зарубежных соперника и судьи знали о случившемся с Ихором. Но это ничего не меняло: Ихор работал чисто, безошибочно и придраться было совершенно не к чему».

Продолжит рассказ один из тренеров сборной СССР Николай Шеленков:

«То, что в отличие от всех остальных Кизимов тренировался в основном самостоятельно, наложило на

него, — ну, не на него лично, а на манеру его выступлений, — своеобразный отпечаток. Он отличался профессиональной замкнутостью, что ли. Самодисциплина, огромное трудолюбие, личная ответственность привели его к высотам мастерства. И что любопытно: «секреты» его по-настоящему раскрыли даже мы, товарищи, не сразу.

Наверное, то, что приступил он к выездке уже в зрелом возрасте, позволило ему сравнительно быстро добиться не только технического, но и большого тактического искусства. Свои слабости и недостатки коня он умел великолепно затушевать, что особенно важно было тогда, в Мехико. Возьмем, к примеру, строевые движения. У Ихора они были, прямо скажем, плоховатые. Да и шаг не слишком хорошо получался. Но Кизимов движением корпуса как-то ухитрялся компенсировать это. Или собранный шаг заставлял Ихора делать коротче, чтобы недостаточно четкие движения лошади не были заметны.

С другой стороны, Кизимов умеет блестяще показывать свои и лошади лучшие качества. И еще нужно обязательно отметить его элегантность во время выступлений. А что касается одежды и снаряжения, то тут Иван прямо волшебник. А волшебник потому, что работоспособность громадная.

Все это от судей не ускользает: они все примечают, и вот вам, Кизимов, «лишние» баллы...»

Но нет, они были совсем не лишними. В итоге индивидуальных соревнований Кизимов вместо сорока трех баллов, необходимых для победы, отыграл у Неккермана шестьдесят шесть. Огорченный немец даже не пришел поздравить соперника сам, прислал тренера.

Зато как радовался Кизимов и вся наша команда! Кизимов ведь был всеобщим любимцем — скромный, приветливый, чуждый зазнайства и хвастовства.

Так через восемь лет после первого триумфа на Олимпиадах советских мастеров выездки в лице москвича Сергея Филатова Кизимов добился второй высшей награды.

Это было выдающееся достижение, потому что в результате трагического — не побоимся этого слова — перелета в Мексику понадобились поистине невероят-

ный труд, настойчивость, сила духа, вера в успех, мужество, мастерство и многие другие замечательные качества, чтобы добиться этой победы.

Нет, она была не «одной из», она была непохожей на иные — драматической и прекрасной победой! Победой, в которую вложили свой труд и душевные силы и спортсмены, и тренеры, и врачи, и руководители олимпийской команды.

НА РАВНЫХ С МУЖЧИНАМИ

Олимпиада в Риме вошла в историю как единственная, на которой не было командных соревнований по выездке. И потому личные оказались как бы в двойном фокусе внимания. Газеты всего мира восторженно писали о блестящем выступлении С. Филатова и подчеркивали, что он не только принес конникам СССР первую высшую олимпийскую награду, но и заставил говорить о появлении новой, советской школы выездки. Успех Филатова закрепил московский армеец Иван Калита, занявший пятое место.

До Филатова лишь спортсмены Швеции, Германии и Франции завоевывали олимпийское золото в личном и командном зачете в этом виде конного спорта. Филатов покончил с этой традицией. Восхищаясь мастерством советских всадников, влиятельный среди любителей конного спорта журнал «Пферд унд рейтер» (ФРГ) отмечал:

«Советские спортсмены — просто загадка. Они ежедневно поражают... нас чем-то новым, неожиданным. Они так точно и правильно исполняли программу Большого олимпийского приза по выездке, как будто только и занимались этим десятки лет. Они блестяще выполнили не только такие трудные элементы, как пиаффе, пассаж и пируэты, но и продемонстрировали свое мастерство в обычной езде».

Восторженный тон автора статьи понятен: что значат, например, слова «поражают», «ежедневно»? Выездка лошади — дело непростое, на нее действительно уходят годы. Однако смысл высказывания верен. Выступление Филатова выражало суть новой, советской школы выездки.

Иные зарубежные конники стараются подчеркнуть движения выдрессированной лошади, но это, скорее, цирковая высшая школа верховой езды, которая отличается от спортивной, как в изобразительном искусстве плакат от живописного полотна. В спорте лошадь медленно и постепенно проходит путь от простого, как бы

«школьного», шага до каденсированного, плавного. И вот уже только что выглядевший на месте вроде бы и невзрачный конь, начиная движения, буквально преображается: он словно плывет... С шага на рысь, потом пассаж и пиаффе, когда кажется, будто лошадь танцует... И все получается как бы само собой, без понуканий и тем более без наказаний всадником — будь то хлыст или просто шенкеля...

Вот такое искусство исповедовал Анастасьев, его лучшие ученики, вся наша школа выездки.

Из всех трех видов конного спорта именно с выездкой связаны наибольшие успехи наших всадников. Объяснений тут несколько. Во-первых, в России много пород лошадей, наиболее пригодных для выездки, например, те же ахалтекинцы, к которым относится и филатовский Абсент. Во-вторых, из классических видов русские наездники раньше всех освоили выездку, здесь уже был накоплен опыт и сложились определенные традиции. Можно вспомнить и ротмистра Екимова, выступавшего в Стокгольме в 1912 году. Наконец, выездка, столь долгий и трудоемкий процесс, добиться успеха в котором под силу немногим, но знаменитому «русскому характеру» это как раз по плечу.

Так или иначе, но большинством побед и достижений мы обязаны мастерам выездки.

Успех Филатова, повторим, был в центре внимания, однако специалисты и журналисты не забыли сказать и о втором призере — Г. Фишере из Швейцарии, где в те годы все больший интерес проявлялся к конному спорту вообще и выездке в первую очередь, и о третьем — Й. Неккермане — богатом владельце универсальных магазинов из ФРГ (он выступал за ОГК), где верховая езда оставалась необычайно престижной. Говорили о легендарном Г. Сен-Сире, постаревшем, но все же сумевшем занять четвертое место. Немало теплых слов было произнесено и в адрес Патриции Голвин из США, замкнувшей шестерку лучших.

На Римской олимпиаде женщины продолжили свои удачные выступления на Олимпийских играх, начало которым было положено в 1952 году. В Хельсинки к олимпийским соревнованиям женщины допускались вместе с мужчинами, но поначалу только в выездке. Почему в выездке?

Считается, женщине наиболее доступен именно этот вид конного спорта. Благодаря своей чуткости, мягкости, терпеливости, они быстро завоевывают расположение четвероногих друзей, и те охотно подчиняются их приказам. Поэтому женщины получают в выездке преимущество перед мужчинами, и не раз завоевывали золотые олимпийские награды.

Яркую страницу в истории спорта оставила, например, датчанка Лиз Хартель, которая на двух Олимпиадах — 1952 и 1956 годов — занимала вторые места в личном зачете после знаменитого Сен-Сира. На XVI Олимпийских играх немецкую команду, возглавляемую Лизелотт Линзенхоф, составляли изящные амазонки.

В 1956 году она стала серебряным призером в командном турнире, а Лизелотт Линзенхоф завоевала бронзовую медаль в индивидуальном зачете.

На Римской олимпиаде сенсацией стало выступление англичанки Бренди Уильямс. Она заняла, правда, одиннадцатое место, но оставила позади немало мужчин. А удивление было вызвано тем, что Бренди шел тогда уже... шестьдесят седьмой год.

Как показали дальнейшие события, женщины успешно выступали и в других видах конного спорта.

До сих пор мы говорили о выездке. А кто задавал тон на Римской олимпиаде в троеборье и конкуре?

Впервые золотые медали завоевали всадники Австралии, добившиеся двойной победы в троеборье. Но больше они никогда не добивались такого успеха. В спорте бывают такие взлеты, и конный — не исключение. Чаще всего это случается в троеборье, где участник попадает в чрезвычайные условия: вспомним Олимпиаду-56, когда кросс проходил при тропическом ливне, смешавшем все планы всадников. Недаром кросс троеборцев называют подчас «лотереей»... Но успех австралийцев объясняется не везением, просто они лучше других подготовились к олимпийским состязаниям, выступали на непривычных для троеборья лошадях — низкорослых и худых, однако на редкость выносливых и резвых. И отмечен редчайший случай: Л. Морган не получил на XVII Играх ни одного штрафного очка, а только положительные баллы.

Вторым призером в личном турнире тоже стал австралиец — Н. Лэвис. Посланцы «зеленого континента»

и в командной борьбе оставили позади троеборцев Италии, Франции и Великобритании, которые, однако, на следующих Играх вновь обретут статус главных фаворитов.

Но в соревнованиях конкуристов в личном турнире 1960 года отличились итальянцы братья Д'Инцео — призеры предыдущей Олимпиады. Чемпион мира-58 Раймондо стал первым, чемпион Европы-59 Пьеро — вторым.

В командных соревнованиях вновь, как и в 1956 году, победили конкуристы Объединенной германской команды, за которую в этом виде выступали только представители ФРГ. В составе этой сборной по-прежнему был Г. Винклер — чемпион Олимпийских игр-56 в личном зачете.

Второе командное место заняли конкуристы США, которые продолжали упорную борьбу с традиционными фаворитами — немцами, итальянцами, французами, англичанами...

Олимпиада-64 проходила в Токио. И вновь командные соревнования по выездке оказались под угрозой срыва: полные команды выставили только шесть стран — ровно столько, сколько требуется для организации олимпийского турнира. Японские наездники выступали скорее для кворума, состязаться в мастерстве с сильнейшими в выездке конноспортивными командами — ОГК, Швейцарии, СССР, США, Швеции — они, конечно, не могли.

Команда СССР завоевала бронзовую медаль, не очень удачно выступил С. Филатов, хотя он и получил «бронзу» в индивидуальном турнире. Заболел Корбей — лошадь Ивана Калиты, и ему пришлось выезжать на манеж на запасном Муаре. А третий участник команды — Иван Кизимов — был дебютантом Олимпийских игр и не имел еще необходимого для таких состязаний опыта.

Первые же две награды были присуждены немцам и швейцарцам. В личном соревновании победу одержал старый соперник Филатова — Г. Шаммартен из Швейцарии, серебряную завоевал Г. Больдт (ОГК), который еще долго блистал на международной спортивной арене.

В ФРГ конный спорт развит очень высоко, но остается видом спорта, доступным узкому кругу любителей.

Ну, кто, скажем, может поехать в Швейцарию, чтобы пройти там специальную школу верховой езды, как сделала Лизелотт Линзенхоф перед Олимпиадой в Мюнхене. И тем не менее представители этой страны неизменно попадают в число призеров Олимпийских игр. Так было и в Токио, где немецкие всадники добились очередного успеха и в преодолении препятствий. Они в третий раз подряд завоевали командное первенство. И опять в составе сборной был Г. Винклер, который, сообщим, забегая вперед, получил на Играх в общей сложности пять золотых медалей, что является абсолютным мировым рекордом для мастеров верховой езды.

В личных состязаниях героем стал француз Пьер Д'Ориоля — чемпион Олимпийских игр 1952 года. Ветеран французской сборной совершил настоящий спортивный подвиг. Так сложилось, что до последнего дня атлеты Франции не завоевали ни одной золотой медали. От Д'Ориоля тоже не ждали «золота», поскольку в первом гите он получил 9 штрафных очков. Это было слишком много, но... Стиснув, что называется, зубы, французский наездник во втором заезде показал поистине чудеса, оказавшись единственным участником, который прошел маршрут чисто. Так с девятью штрафными очками он и стал чемпионом.

Вместе с братом Кристианом Пьер Д'Ориоля принес своей стране шесть высших олимпийских наград. Конечно, для подобного успеха требуется высокое мастерство, и, надо отдать должное Пьеру, он виртуоз конкур.

В троеборье двойного успеха добились итальянцы. Конное троеборье, как и конкур, были развиты в Италии (мы уже говорили об этом) высоко. В частности, троеборцы этой страны не однажды входили в число сильнейших на Олимпиадах. Один из участников итальянской сборной, М. Кекколи, стал чемпионом в личном зачете.

Олимпиада-68 в Мексике принесла новый триумф советской школе выездки: второй раз на высшую ступень пьедестала почета поднялся представитель СССР Иван Кизимов. Сборная нашей страны в составе Кизимова, Е. Петушковой и И. Калиты завоевала серебро, уступив лишь команде ФРГ (И. Неккерман, Л. Линзен-

хоф и Р. Климке). С тех пор многие годы основной спор за олимпийское и мировое первенство шел между всадниками этих двух стран. Отметим только, что мастера ФРГ, в отличие от советских, предпочитали крупных, рослых лошадей. Кроме того, они старались подчеркнуть так называемую свободу движений их коней во время исполнения упражнений, что советским спортсменам удавалось не всегда. Наиболее искусным в этом оказался Кизимов — один из воспитанников Г. Т. Анастасьева.

Близки к победе на Мексиканской олимпиаде были и наши троеборцы, но...

За сборную СССР выступали в этом номере программы москвичи А. Евдокимов, Г. Газюмов, С. Глушков, ростовчанин П. Деев. В первом виде состязаний — манежной езде — они показали себя превосходно. Евдокимов занял первое место, Газюмов — второе, Деев — четвертое... А как известно, для командного зачета достаточно суммы трех лучших.

Сборная СССР стала лидером.

Обычно в манежной езде никаких особых происшествий не случается: только одни выступают хорошо, другие — хуже, а в целом соревнование заканчивают все. На сей раз произошло редчайшее событие: японец Хигерода Уси на своей лошади по кличке Самурай-Ацтека управлял конем так плохо, что его вынуждены были дисквалифицировать.

А вот в полевых испытаниях участников ждет много неожиданностей, но то, что произошло в Мехико, не идет в сравнение ни с какими печальными случаями, известными из прошлых лет.

В этот день разразился тропический ливень. Трудно было даже на сравнительно простых участках скачки, что же говорить о кроссе! К тому же к моменту прохождения спортсменами самого коварного участка дистанции — через речку — она вышла из берегов в результате дождей. Олимпийцы, пытавшиеся несмотря ни на что (соревнования проходят в любую погоду) форсировать грозную водную преграду, вынуждены были, чтобы не погубить коней, спрыгивать с седел в холодную воду и, держа лошадей только за уздечки, плыть рядом с ними к берегу...

Иным это удавалось, другие же начинали тонуть.

На помощь были брошены мексиканские солдаты, они спасали троеборцев, вытаскивая их и их четвероногих помощников на сушу...

После этого драматического дня борьбы из нее были вынуждены выйти еще одиннадцать участников. Часть — из-за травм лошадей, и среди таких — Глушков: погиб его конь по кличке Балерина, преодолевая горную речку, бешено мчавшую свои воды.

Но остальные наши спортсмены — для командного зачета их было достаточно — спор за первенство могли продолжать. В сумме двух видов Деев занимал третье место, как и сборная СССР, Газюмов — восьмое, Евдокимов — двадцатое.

Перед заключительным номером состязаний троеборцев — конкур — не было сомнений, что советские конники завоюют в этом виде как минимум две бронзовые медали (личную и командную). А если повезет, то и более высокого достоинства! Что могло им помешать? Не было в истории случая, чтобы троеборец срезался на преодолении препятствий...

Но спорт есть спорт. Уверенный в своем предстоящем успехе, Деев расслабился и перепутал препятствия. Преодолев барьер под номером восемь, он перепрыгнул затем сразу десятое, пропустив девятое. И был дисквалифицирован без права повторить выступление.

Деев не только лишил медали себя, он лишил награды и команду, так как в ней осталось только два зачетных участника.

Вот как бывает в спорте...

* * *

В итоге золотые медали достались французу Ж.-Ж. Гийо, и не мечтавшему о таком счастье, и команде Великобритании. Знаменательно, что в составе команды-победительницы была женщина Джейн Баллен. После того как в 1960 году женщины были допущены и к олимпийским соревнованиям конников-троеборцев, это был первый случай. Правда, в справочниках она не фигурирует как чемпионка: не вошла в зачет. Однако показала Джейн себя на Играх достойно, впервые участвуя в Олимпиаде, она дважды упала в ходе кросса и все же нашла в себе силы дойти до финиша.

Отличилась же на этой Олимпиаде другая англи-

чанка — Мэрион Кокс. Самая юная участница Игр (ей было около девятнадцати лет) стала первой в истории женщиной, завоевавшей серебряную награду в преодолении препятствий.

Успехи не приходят сами по себе: в Англии женщины очень серьезно занимаются верховой ездой. По количеству занимающихся конным спортом женщины превосходят мужчин в несколько раз. Каков их путь к пьедесталу почета, можно увидеть на примере Пат Смайса. Мать Смайса долгие годы сама увлекалась конным спортом, потом руководила подготовкой молодых наездников. С ранних лет, помогая матери и отцу в работах на ферме, Пат привыкла к коням, рано научилась ездить верхом, смело преодолевала барьеры. Ее мастерство неуклонно росло, и пришло время, когда она стала выигрывать призы и дипломы в своей стране, а затем прославилась и на международной арене. Не раз побеждала она таких конкурентов, как чемпионы и призеры Олимпийских игр Ганс Винклер и Фриц Тидеманн из ФРГ, братья Д'Инцео из Италии, Пьер Д'Ориоля из Франции... Немногие мужчины смогли сделать то, чего добилась Пат, — преодолеть в высотном прыжке барьер 2 м 20 см. На Олимпийских играх 1956 года она заняла десятое личное место и третье — командное.

Пример Смайса увлек многих, и в том числе М. Кокс, которая продолжила эстафету соотечественницы.

Впереди Кокс был только У. Стейнкраус из США — страны, конники которой давно прицеливались к высшим олимпийским наградам во всех без исключения видах. И хотя американцы еще не раз отличались на Играх, повторить достижение Стейнкрауса им так пока и не удалось.

Такого же первого и до сих пор остающегося единственным успеха добились конкуренты Канады, одержавшие командную победу. Но в отличие от американцев они не были больше не только золотыми, но и даже серебряными и бронзовыми призерами.

С каждой Олимпиадой женщины приумножали свои победы. На Играх в Мюнхене представители сильного пола спасовали перед изящными амазонками. Соотечественница М. Кокс англичанка Энн Мур была второй в соревнованиях по преодолению препятствий, пропустив вперед только итальянца Г. Манчинелли. Команд-

ное золото досталось фаворитам Олимпиады — сборной ФРГ.

В отчетах о конноспортивных состязаниях отмечалось не раз — «впервые в истории Олимпийских игр». Впервые английская команда стала победительницей в троеборье, и что примечательно, за команду троеборцев выступали две женщины: Мэри Гордон-Уотсон и Бриджит Паркер. Их партнером был Р. Мид, первенствовавший в личном турнире. Словом, конники-троеборцы Англии продолжили победную традицию, но теперь в основном благодаря женщинам. Гордон-Уотсон и Паркер выигрывали вместе с Мидом и титулы чемпионов мира и Европы, а Мэри была и чемпионкой мира в личном зачете.

Надо сказать, что английские мастера конного троеборья, большинство которых составляют по-прежнему женщины, остаются сильнейшими в мире.

И опять впервые в истории на Олимпиаде-72 золотую и серебряную медали в выездке завоевали женщины. Чемпионкой стала Л. Линзенхоф, серебряным призером представительница российского «Урожая» Елена Петушкова. Вместе с Иваном Кизимовым и Иваном Калитой она отпраздновала победу нашей сборной, впервые выигравшей на Олимпийских играх командное золото.

Елена Владимировна Петушкова — 14-кратная чемпионка СССР, чемпионка мира 1970 года, победительница XX Олимпийских игр в командном зачете и серебряный призер в личном. Страна высоко оценила ее достижения, наградив орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета».

* * *

Спортивная жизнь Елены Петушковой началась в тот день, когда она с мамой пришла в Центральный конноспортивный клуб «Урожай» в Сокольники, чтобы покататься верхом.

Уже через год девочку зачислили в секцию. На второй год занятий она получила второй спортивный разряд, потом первый и затем звание мастера.

Начала Елена освоение премудростей верховой езды с конкура, но позже по совету тренеров перешла на выездку, которая и принесла ей мировое признание. Это

были нелегкие годы. Надо было успевать и на тренировки, и учиться. Среднюю общеобразовательную школу Петушкова окончила с золотой медалью. Поступила в университет и здесь получила диплом с отличием. В аспирантуре тоже училась успешно, досрочно, через два года и четыре месяца защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

«Спасал» только график, по которому она жила много лет: вставала в 5 часов 15 минут, с тем чтобы уже в 6.30 быть в манеже. Подготовка лошади, тренировка — минимум два часа. В 10.00 она была уже в университете...

Но уж таково жизненное кредо Елены Владимировны: всегда и во всем достигать вершины.

— Да, — говорит она, — спорт — это большое дело. Спорт как никакая другая сфера деятельности позволяет людям ярко проявить свои таланты, победить слабости, поверить в беспредельность человеческих возможностей. Но и ставить спорт превыше всего, несмотря на его великую суть, ни в коем случае нельзя. Если за рекордом, победой нет личности, это неинтересно.

Наибольшие успехи Елены связаны с Пеплом, жеребцом тракененской породы. Недаром она говорит, что ему цены не было, настоящий алмаз. Он родился на знаменитом конном заводе имени Кирова в Ростовской области от темно-гнедой Полыни и вороного Пилигрима. Пепел был довольно сложной натурой, и Елене пришлось затратить немало труда, чтобы подчинить себе коня. Главными козырями в этом единоборстве стали ее терпение и доброта. «Ни в коем случае лошадь не должна выполнять упражнения — от самого простого до самого сложного — из-под палки», — говорит Петушкова. Тем более что Пепел вообще не терпел наказаний.

За годы работы Елены с Пеплом он в совершенстве овладел всеми элементами высшей школы. Им пришлось много ездить: он побывал в разных странах, путешествовал на автомобилях, поездах и самолетах, везде восхищались красавцем конем. Пепел понимал это и, завидев публику или фотокорреспондентов, принимал наиболее выигрышную позу: вздергивал голову, шею изгибал дугой, кокетливо косил глаза...

Вершиной совместных выступлений Елены и Пепла стал двойной успех на Играх-72.

Четырнадцать лет подряд ездила Петушкова на Пепле. Потом Пепел постарел, вернулся на завод имени Кирова и там, где и родился, пал. А у Елены появились тем временем две новые лошади — сын Абсента, ахалтекинец Абакан, и Шаловливый...

На Играх в Монреале Петушкова не выступала, и теперь активно готовилась к Московской олимпиаде. И вдруг в олимпийском году погиб Абакан.

Это был серьезный удар. Вот что рассказывает сама Елена Владимировна:

— Ничто не предвещало несчастья. Всю зиму 1979/80 года Абакан был в прекрасной спортивной форме. Весной ему исполнилось 10 лет, и он вступил в ту фазу расцвета как по степени подготовленности, так и в отношении физического развития, когда можно было с полной обоснованностью говорить о предстоявшей ему блестящей спортивной карьере. В августе 1979 года Абакан впервые стал чемпионом СССР и вернул этот титул мне. В марте 1980 года на зимнем чемпионате СССР мы вновь заняли первое место. Будущее виделось в радужном свете. В первых числах мая 1980 года лошади сборной отбыли в Бельгию и ФРГ на международные соревнования. Предстояла последняя проверка боем, последняя проба сил перед Олимпиадой. Как мне рассказывал мой тогдашний тренер В. А. Васильев, который сопровождал лошадей, Абакан заболел неожиданно где-то на полпути между Минском и Брестом. Вначале решили, что просто на него повлияла транспортировка, а когда прибудет на место, то через день-два оправится. Но Абакану становилось все хуже. Три недели отчаянных попыток нашего ветеринара, а потом и ветврачей лучшей в Европе ветеринарной клиники в Ганновере оказались безрезультатными.

Это была катастрофа. Пять лет упорнейшей работы, пять лет жизни пошли прахом.

Наверное, если бы я любила спорт ради победы и славы, у меня вряд ли бы хватило сил — уже в который раз! — начинать все сначала. Победа для меня — это не первое место, а прежде всего преодоление себя, трудностей, судьбы, обстоятельств. Именно поэтому, вернувшись в Москву, я твердо решила выступать через две

недели на чемпионате СССР на брате Абакана — Аргументе, хотя до этого практически не работала с ним. Я не строила никаких иллюзий, так как знала, что это лошадь с чрезвычайно дурным характером и к тому же совершенно не готовая к стартам такого уровня. Но это не остановило меня. Я оставалась в спорте, о чем должны были знать и мои друзья, и мои соперники, и мои болельщики. Оказавшись на этот раз где-то в конце в списке участников по занятым местам, мы с Аргументом через два месяца, в августе, переместились уже в первую половину его. Однако мне снова не повезло. С осени Аргумент стал хромать — то на одну, то на другую ногу, и всю зиму практически не работал. Я постоянно вспоминала своего верного Пепла, с которым не знала хлопот подобного рода за все четырнадцать лет совместной работы. Не знаю, что бы я делала, если бы в сентябре не состоялся первый «выпуск» молодых лошадей в так называемом Олимпийском центре подготовки. Задача этого центра состоит в том, чтобы создать из молодых лошадей своего рода «полуфабрикат» для спортсменов уровня сборной СССР. Я получила одного из «выпускников» — огромного рыжего тракена по кличке Хевсур. Ему семь лет, характер у него добрый, хотя и шаловливый. Несмотря на свой крупный рост, Хевсур удивительно мягок и податлив, и в этом большая заслуга его воспитателя — Анатолия Арамовича Антикяна, который и стал моим новым тренером.

И сейчас я по-прежнему тренируюсь ежедневно по два часа. Планы — работа, работа, работа...

Как-то Елена Владимировна призналась мне, что к успехам, кроме упорства и желания, ее вела еще и... злость. Хорошая, по-настоящему спортивная. Ведь до нее тон в выездке в нашей стране задавали мужчины, а она задумала, чтобы главную роль в ней стали играть женщины. И, кажется, мечта Петушковой сбывается. У нас выросло много великолепных наездниц, успешно выступающих не только на всесоюзной, но и на международной арене. Это И. Карачева, О. Щерба, Т. Ненахова и Т. Вавришук... На Московской олимпиаде киевлянка Вера Мисевич вместе с Юрием Ковшовым и Виктором Угрюмовым стала чемпионкой в командных соревнованиях по выездке.

ОЛИМПИАДА В МОСКВЕ

Нашу столицу стройками не удивишь. Сами москвичи почти и не замечают, как то и дело в разных районах города вырастают новые жилые дома, универсамы и кинотеатры, ясли и детсады, клубы и дворцы культуры... Зато приезжие из других городов страны и особенно иностранцы не устают изумляться масштабам застройки и реконструкции советской столицы.

В конце семидесятых годов в Москве в районе Битцевского лесопарка началось большое строительство: на огромной площади в сорок гектаров засновали мощные бульдозеры и экскаваторы, самосвалы и подъемные краны. Работа шла полным ходом.

В Битцевском лесопарке создавался уникальный конноспортивный центр, равных которому не было во всей Европе, в котором могли бы и тренироваться и проводить свои соревнования — причем любого уровня, вплоть до Олимпийских игр — мастера верховой езды.

Конечно, конноспортивные центры есть и в других европейских государствах, но ни в одном из них нет, например, специальной территории для полевых испытаний троеборцев. Больше того: в большинстве нет даже и стипле-чезного «круга». В Битце же строилось и то, и другое. Найти и выделить нужную площадь для таких крупномасштабных состязаний (на кроссе многокилометровая дистанция, да еще сильно пересеченная, с разнообразными препятствиями) оказалось возможным только в столь огромном городе, как Москва!

Сердцем комплекса можно назвать специальный стадион для состязаний по преодолению препятствий. Красивые, удобные трибуны, над которыми возвышается главная трибуна и открывается захватывающая перспектива: вплоть до горизонта леса и изумрудные луга, сосны да березы...

Поле стадиона площадью 150×90 метров засеяно травой.

Трибуны на 12 500 зрителей!

О результатах конкуристов сообщает большое ин-

формационное табло, изготовленное знаменитой венгерской фирмой «Электроимпекс».

Под трибунами размещаются все необходимые службы, комнаты прессы, медицинский пункт.

Рядом выстроен открытый манеж, козырек которого защищает зрителей от солнца и дождя, придает красоту и уют этому замечательному сооружению. Трибуны по длинным сторонам открытого манежа и зеленые откосы на коротких образуют оригинальную чашу, в центре которой оборудован манеж размером 60×20 м с песчаным покрытием. Вокруг — «нейтральная» 20-метровая зона с травяным покрытием. Более 4000 зрителей могут смотреть здесь соревнования. Фирмой «Электроимпекс» и тут установлено информационное электротабло.

Как мы уже говорили, даже такие соревнования троеборцев, как полевые испытания, могут проходить здесь же, в Битцевском парке, а часть дистанции — фаза «В» (стипл-чез) — сооружена прямо на территории комплекса. Длина стипль-чезной дорожки с хорошим травяным покрытием — 1650 м, ширина — 2 м, на дорожке 8 естественных препятствий.

Старт и финиш одного из груднейших участков дистанции полевых испытаний — кросса — находятся на площадке Лысой горы, что в центре Битцевского парка. А на дистанции 7695 м, которая проходит по живописным местам парка — через овраги, ручьи, тропинки и просеки, — построено 32 сложных препятствия.

Особенностью конноспортивного комплекса является то, что в непосредственной близости от мест соревнований разместились тренировочные площадки. Для тренировок в преодолении препятствий подготовлено шесть полей размером 90×60 м, три из которых с зеленым газоном, а три — с песчаным покрытием. Для тренировок по выездке — 6 манежей, площадью 60×20 м каждый. Пять из них покрыты песком, как в манеже для соревнований, шестой — травяной.

И на случай дождей предусмотрена возможность проведения соревнований в точном соответствии с графиком. С этой целью построен закрытый манеж с трибунами на 2000 зрителей. Его рабочая площадка размером 90×40 метров позволяет проводить любые состязания по выездке и преодолению препятствий. В манеже достаточное количество помещений для всех

необходимых административных, технических и соревновательных служб.

Созданы условия и для лошадей: построены светлые удобные конюшни — зимние на 250 голов (каждый конь получил в свое «распоряжение» денник площадью 12 квадратных метров) и летние — на 200 лошадей. В конюшнях имеются душевые установки и все необходимые помещения для снаряжения, фуража и подстилки. Ветеринарная помощь оказывается специалистами ветеринарной службы здесь же, в комплексе, в специальной лечебнице.

Для спортсменов и обслуживающего персонала выстроен был целый гостиничный комплекс, который включал в себя, кроме жилых помещений, кафе-столовую на 100 мест, спортивный зал, 25-метровый плавательный бассейн и тир.

Все состязания всадников, кроме личных соревнований по преодолению препятствий, по программе Московской олимпиады должны были проходить в Битце.

Москва с полным напряжением сил готовилась к проведению всемирного спортивного форума: строились новые и реконструировались старые спортивные сооружения, возводились величественные гостиничные комплексы, обновлялись дома и улицы. Подготовка к XXII Олимпийским играм стала поистине всенародным делом в нашей стране.

От ФЕИ делегатом для связи с нашими организаторами конноспортивных соревнований был назначен швейцарец Антон Бюлер. Он побывал в СССР несколько раз до начала Игр.

Очередной его визит состоялся в декабре 1979 года. Мне довелось тогда побеседовать с ним, он был полон оптимизма и сообщил, что у ФЕИ и Оргкомитета «Олимпиада-80» тесные деловые контакты, которые обязательно приведут к успеху Московских игр.

Президент ФЕИ, принц Филипп, герцог Эдинбургский, отвечая на вопросы редакции газеты «Советский спорт», в частности, заявил: «Убежден, что планы подготовки Москвы к Играм, о которых доложил на очередной Генеральной ассамблее ФЕИ делегат СССР, произвели впечатление на других делегатов. Особенно удовлетворяет то, что арены конных состязаний будут

находиться неподалеку от Олимпийской деревни и центра Москвы».

Готовились советские люди к приему Олимпиады, готовились и атлеты всего мира к своим самым дорогим и знаменательным стартам. Много забот было у наших всадников, на них ложилась большая ответственность. Как известно, наши мастера верховой езды потерпели поражение в 1976 году в Монреале. Пожалуй, после Олимпиады-56 они никогда не показывали таких низких результатов. Даже в выездке, где нами был уже завоеван международный авторитет, они заняли лишь четвертое место командой и шестое в личном зачете было у В. Угрюмова. В троеборье команда вышла на пятое место, и на восьмом оказался в личном Ю. Сальников. Советские спортсмены мечтали восстановить свой престиж, достойно выступить в «родных стенах».

Чемпионские титулы Монреальских игр получили представители других стран: в троеборье господствовали американцы, и командная и личная (Э. Коффин) золотые медали достались им. В конкуре победила сборная Франции, а в личном зачете первым был А. Шокемолле (ФРГ), в выездке — команда ФРГ, золотую медаль выиграла швейцарка К. Штюккельбергер.

О победах мечтали не только советские всадники, упорно готовились к олимпийским стартам и наши соперники. На страницах зарубежных газет появлялись статьи с прогнозами и размышлениями о том, как сложится борьба в конноспортивном комплексе в Битце. Однако надеждам многих атлетов не суждено было сбыться, долгие годы подготовки пошли прахом: бывший американский президент «захлопнул перед ними дверь, — по образному выражению американского барьера Вилли Давенпорта. — И не только захлопнул, но закрыл ее на замок и выбросил ключ». И захлопнул дверь не только перед спортсменами своей страны.

Политика не должна вмешиваться в спорт, любят говорить в западном мире. Но именно политические мотивы побудили тогдашнюю администрацию США начать «крестовый поход» за бойкот Московской олимпиады. Напрасно американские олимпийцы пытались убедить свое правительство изменить решение, напоминая о независимости олимпийского движения от политических

событий. Применяв все допустимые и недопустимые средства, включая прямой нажим на Национальный олимпийский комитет и его руководство, угрозы в его адрес в случае неповиновения, правительство США добились своей цели. Авторы бойкота приложили немало усилий, чтобы заставить правительства других государств поддержать их.

В результате представителям ряда стран так и не удалось, несмотря на все их усилия, приехать в столицу СССР и принять участие во всемирном празднике спорта, молодости и мира. И особенно много среди этих неудачников оказалось мастеров верховой езды: ФЕИ явно сыграла здесь свою неблагоприятную роль. Об этом свидетельствует и такой, к примеру, факт. Англичане выступили на Московской олимпиаде в соревнованиях по многим видам спорта, а вот конников Великобритании, представитель которой возглавляет ФЕИ, в нашей столице не было... Как тут не вспомнить, что незадолго до этого президент ФЕИ выражал надежду на тесное и дружеское взаимодействие ФЕИ с Федерацией конного спорта СССР и Оргкомитетом «Олимпиада-80» в подготовке соответствующих условий для проведения конных состязаний на Олимпийских играх 1980 года в Москве...

«Мы обмануты нашими правительствами», — справедливо отметили атлеты стран, руководство которых волей или неволей попало в фарватер антиолимпийского курса, избранного тогдашней администрацией США. Да, они были обмануты. Бойкот так и не удался. Московская олимпиада стала подлинным всемирным форумом торжества олимпийских идей, идей мира, братства и дружбы спортсменов разных стран. Олимпийские игры в Москве показали, что олимпийское движение, несмотря ни на какие усилия реакции, нельзя подавить, «Олимпиаде нет альтернативы — ни в спортивном отношении, ни в общественно-политическом». Игры-80 — это единодушное мнение не только самих участников Олимпиады, но и всех, кто следил за ее ходом по телевидению, а таких были многие-многие миллионы, — оказались лучшими в истории, лучшими во всех отношениях. И прежде всего в организационном.

Успешно прошли на Московской олимпиаде и соревнования конников. Приведем слова генерального сек-

ретаря ФЕИ Фрица Видмара (Швейцария), которые он сказал корреспонденту ТАСС уже после окончания этих состязаний: «То, что некоторые страны не прислали своих спортсменов в Москву, не отразилось на уровне турнира, его технической оснащенности. Он прошел в полном соответствии с правилами и регламентом ФЕИ. Это были истинно Олимпийские игры».

Да, на Московской олимпиаде состязания по верховой езде прошли в полном соответствии с олимпийскими правилами и на истинно олимпийском уровне.

Первыми в борьбу среди конников вступили троеборцы. Два дня — 24 и 25 июля — они состязались в манежной езде. Погода стояла прекрасная, а в день полевых испытаний полил дождь. Из-за него пришлось перенести начало стартов на три часа. Но, конечно, ничего подобного тому, что случилось в Мексике в 1968 году, где сильный тропический ливень превратил трассу в непреодолимую водную преграду, не произошло. Хотя выступать, конечно же, и в Москве оказалось нелегко. «Дистанция была по-настоящему олимпийской, — заявил технический делегат ФЕИ А. Бюлер, — то есть нелегкой». Да, из двадцати восьми стартовавших десять человек (как примерно и бывает на Играх) были сняты с соревнования за неповиновение лошадей.

Впервые можно было увидеть все подробности полевых испытаний троеборцев: в самых «горячих точках» трассы были установлены камеры Центрального телевидения СССР. Надо сказать, эти передачи вызвали у иностранных телекомпаний наибольший интерес по сравнению с показом соревнований по остальным видам спорта.

Первым на чистокровной лошади по кличке Бобби стартовал Дарбао Сингх из Индии. Представители этой страны дебютировали в Москве на состязаниях по конному троеборью, и отсутствие опыта, естественно, сказалось на их выступлении. Но боролись они отважно.

Не повезло троеборцам Польши, после выезда записавшим первую строчку в турнирной таблице: двое участников не дошли до финиша.

Немногим удалось пройти полевые испытания без ошибок.

Удача сопутствовала Александру Блинову, итальянцу Федерико Эуро Роману и болгарину Цветану Дон-

чеву. Однако и они не уложились в контрольное время — 13 минут 30 секунд. Лучшее показал спортсмен из Рима Федерико Эуро Роман — 15.31,08. Он уверенно лидировал после кросса, и теперь ничто, если только какой-то невероятный случай, не могло помешать ему выиграть «золото». Он спокойно, без риска провел своего Россинанта по трассе, и из 12 препятствий, которые нужно было преодолеть, лишь на одном получил 5 штрафных очков. И золотая медаль была великолепным подарком удачливому спортсмену в день его рождения. В Москве отметила день рождения и его соотечественница Анна Казагранде, занявшая седьмое место в троеборье. Результат Романа — 108,6 штрафных очка.

Серебряную медаль в личном зачете завоевал Александр Блинов, выступавший на чистокровном гнедом коне по кличке Галзун — 120,8 штрафных очка, бронзовую — Юрий Сальников на Пинцете — 151,6.

Несколько слов об олимпийском чемпионе Федерико Эуро Романе. Роман был капитаном олимпийской команды всадников Италии. Он родился в Триесте, затем его семья переехала в Рим. Работал и одновременно изучал экономику в Римском университете.

Конным спортом начал заниматься с тринадцати лет. Его первым тренером был отец, который впоследствии помогал сыну готовить лошадей к соревнованиям.

Троеборьем Федерико увлекся в 1967 году, трижды был чемпионом страны, участвовал в чемпионате мира и Европы. Был девятым на Монреальской олимпиаде, где команда Италии, в которую он входил, заняла четвертое место.

К Московским играм готовился три года, тренируясь на нескольких лошадях. С Россинантом и запасным конем Фокс-Гловом начал работать в 1979 году. Оба эти коня были куплены в Англии. Тренер Федерико — Лучио Мандзини, готовивший итальянских конников-троеборцев и к двум предыдущим Олимпиадам.

Вместе с Федерико в Москве выступал его брат Мауро, первенствовавший в заключительном соревновании троеборцев-конников — преодолении препятствий. Он прошел дистанцию чисто и при этом с лучшим временем.

Впервые в истории Олимпийских игр командой победили советские троеборцы. Любители конного спорта тепло приветствовали четверку чемпионов Олимпиады — представителей разных городов нашей страны: Валерия Волкова из Ярославля, Сергея Рогожина из Нальчика, Юрия Сальникова из Ростова-на-Дону и Александра Блинова из Фрунзе, когда они выехали на зеленое конкурное поле для награждения.

Серебряные и бронзовые награды достались троеборцам Италии и Мексики.

29 июля состоялись командные соревнования по преодолению препятствий по программе Большого приза. Победа, одержанная советской командой троеборцев, придала советским конкуристам уверенность и силу.

Они выступили превосходно. Тон успешным стартам хозяев Олимпиады задал ростовчанин Николай Корольков. Мастер спорта международного класса, выступавший на девятилетнем коне буденновской породы, допустил лишь два повала, причем на системах, — всего 8 штрафных очков.

Столько же штрафных набрал мексиканец Альберто Вальдес. Его соотечественнику Х. Партугалю не повезло. Рассчитывал на легкую победу — как-никак, а мексиканцы на последних Олимпиадах были в числе претендентов на медали, и отсутствие в Москве сильных команд вселяло легкомысленную надежду, что победить удастся без труда, — но на десятом препятствии он упал, окуцувшись с головой в воду. Надо отдать Партугалю должное, он оказался самокритичным, заявив, что купание мгновенно охладило его пыл.

Паркур действительно был очень сложный, по плечу только искусным мастерам. На конкурном стадионе Битцы было установлено 13 препятствий, из них несколько систем, высота отдельных преград достигала 160 см, канава — шириной 4 м 75 см. На преодоление их отводилось 110 секунд.

Не один Партугаль, всадники Болгарии, Польши, Румынии терпели неудачу за неудачей. Некоторые участники набирали суммы штрафных очков, превысившие результат всей советской команды.

Второй член нашей команды — Виктор Погановский

на своем восьмилетнем тракене Топком, как и Корольков, допустил две ошибки, закончив паркур с 8 штрафными очками. Теперь у двух сборных — СССР и Польши — было равное количество штрафных — 16, — и все зависело от выступления двух других членов каждой команды. Наши ребята с волнением ждали выхода на конкурное поле Виктора Асмаева. Незадолго до Игр рыжий Рейс ростовчанина получил травму, и его выступление было под вопросом. Несколько дней от него буквально ни на шаг не отходил сам Асмаев, тренеры, ветеринарный врач В. Ильин, и теперь должно было выясниться, сумели ли они поставить Рейса на ноги.

Сумели! У Асмаева всего 4 штрафных. На финише Виктор поцеловал своего друга, красавца буденновской породы, ведь всего один повал у них, да и то на тройной, самой сложной системе! Сборная СССР вышла вперед.

Своего лидерства хозяева поля не уступили до самого конца. После того как москвич Вячеслав Чуканов на восьмилетнем чистокровном жеребце Гепатите закончил выступление всего с одной ошибкой, советская команда после первого гита опережала ближайших соперников — поляков — на 12 очков. Результаты второго гита оказались еще лучше: Корольков — 4 штрафных, Погановский — 0,25 (лишь за просроченное время), Асмаев — 7,25, Чуканов — 0! Сумма сборной СССР — всего 20,25 штрафных очка. «Серебро» досталось полякам — 56 штрафных очков, «бронза» — мексиканцам — 59,75 штрафных очка.

Впервые в истории конного спорта советские конкуристы стали олимпийскими чемпионами.

Зарубежная печать пыталась принизить успехи спортсменов, выступавших на Московской олимпиаде. Еще накануне Игр многие западные газеты утверждали, что без участия спортсменов США, ФРГ, Японии Олимпиада уже не Олимпиада. В частности, французская «Фигаро» писала: «Уровень спортивных состязаний будет значительно обесценен, и большая часть золотых медалей, которые будут розданы на протяжении двух недель, отнюдь не увенчают лучших в мире... Московские испытания не будут достойны олимпийского уровня». Не успокоились они и тогда, когда спортсмены стали буквально крушить мировые и олимпийские рекор-

ды — в ходе Московской олимпиады 241 раз улучшились олимпийские рекорды и 97 раз мировые, — ставя под сомнение достижения атлетов.

Особенно много кривотолков было вокруг конноспортивных состязаний, ведь не приехали постоянные фавориты Олимпийских игр. Но вот что отметил на одной из пресс-конференций генеральный секретарь Международной федерации конного спорта Ф. Видмар: «Соревнования в Битце по всем измерениям проходят на истинно олимпийском уровне».

Кроме того, существуют и объективные данные оценки мастерства спортсменов. Интересное сравнение результатов приводила газета «Советский спорт», освещающая олимпийские состязания. Она писала: «В Мехико командный Большой приз выиграли спортсмены Канады с результатом 102,75 штрафных очка, в Мюнхене победили всадники ФРГ — 32 очка за ошибки, в Монреале обладатели золотой медали французы заработали 40 очков. Наши же ребята в двух гитах привезли 20,25 штрафных очка!»

Какие нужны еще более убедительные доказательства высокого олимпийского класса советских всадников?!

Но вернемся на конноспортивные состязания Московской олимпиады. Оставался еще один вид олимпийской программы — выездка, в которой советские спортсмены одерживали блестящие победы на Олимпийских играх, и наша школа выездки получила признание во всем мире. Правда, как мы помним, в Монреале нашим мастерам выездки пришлось довольствоваться четвертым местом, и они мечтали реабилитировать себя дома, добиться прежнего триумфа.

Но не все гладко было у них при подготовке к ответственным стартам. Незадолго до Олимпиады у Елены Петушковой пала лошадь Абакан. Пришлось стать только зрительницей и молодой талантливой наезднице из Минска Ирине Карачевой, лошадь которой Санд заболела. Из первоначального состава остался один минчанин Виктор Угрюмов. В срочном порядке была укомплектована новая олимпийская сборная, в которую вошли Юрий Ковшов, живший тогда в Ташкенте, а теперь переехавший в Киев, и киевлянка Вера Мисевич. Статьи, все трое выступали на лошадях украинской породной группы — Шквале, Игроке и Плите.

Честь и вместе с тем ответственность открыть соревнования выпали на долю Ковшова. Чемпион страны и призер международных турниров проявил большую выдержку, сумел сдержать понятие в этих условиях волнение и показал хорошую езду. Его оценкой были 1588 баллов.

Самое удивительное, что этот результат долгое время оставался недостижимым для других, в том числе восьмикратного чемпиона Балканских стран Велику Думитру. И только замечательная австрийская амазонка Элизабет Тойрер на своем коне ганноверской породы по кличке Мон Шери превзошла советского спортсмена. С суммой баллов 1623 она возглавила список участников, которым предоставлялось право после окончания командного турнира бороться за награды в личном первенстве.

Спор сборных команд по выездке продолжался на следующий день, но уже после первого стало ясно, что советские спортсмены никому не отдадут золотой медали. Угрюмов выступил чуть хуже Ковшова и шел вслед за ним. И хотя на следующий день — 30 июля — Мисевич не смогла показать хорошей езды, Плот упрямылся и сбивался, команда СССР обеспечила себе первое место, набрав 4383 балла. Через 8 лет наши мастера выездки вернули себе титул олимпийских чемпионов.

На второе место вышли конники Болгарии, на третье — Румынии.

Теперь предстояли личные соревнования мастеров выездки.

...То, что происходило в первый день августа на конноспортивном комплексе в Битце, можно с полным основанием назвать блестящим шоу с участием лучших в мире мастеров верховой езды. И тон в этом «концерте» задавала чемпионка Европы из Австрии Элизабет Тойрер на своем сказочной красоты сером в яблоках коне.

Накануне Элизабет выступила хорошо, но все-таки не в полную меру своих возможностей. Теперь все ждали ее выхода на арену. Тойрер стартовала четвертой из двенадцати участников. Тишина на трибунах, как в театре. Диктор просит не аплодировать, когда появляется очередной участник, чтобы шум не испугал коня, не вывел его из равновесия. Грациозная амазонка начинает свой танец на лошади, выполняя самые трудные

упражнения блестяще. Искушенные зрители, затаив дыхание, следили за выступлением. Было очевидно, что перед ними новая олимпийская чемпионка.

Тойрер сделала заявку на олимпийскую победу в 1979 году на чемпионате Европы, где опередила швейцарку Кристину Штюккельбергер — победительницу Олимпийских игр 1976 года. Штюккельбергер не приехала в Москву отстаивать свой титул, и если судить по выступлению замечательной австрийской спортсменки, то Кристине вряд ли это удалось.

Громкими аплодисментами проводили восторженные зрители победительницу Олимпиады-80.

Элизабет Тойрер увлеклась верховой ездой в десятилетнем возрасте. Начала с выездки, потом перешла на конкур, но снова вернулась к первому увлечению. По-настоящему большой успех пришел к ней в 1978 году, когда она стала чемпионкой страны, подтвердив это звание на следующий год. Далее победа на чемпионате Европы и, наконец, на Московской олимпиаде. Ее тренер — Ханс Макс. В 1980 году ей было 24 года, она студентка университета.

Как рассказывает сама Элизабет, секрет ее успехов — в настойчивых тренировках. У себя дома, в Линце, она занимается ежедневно на трех-четыре лошадей, по часу на каждой. Перед важными состязаниями и во время них она ездила на Мон Шери два раза в день, причем второй раз — незадолго до старта. Зато потом коня ждет двухмесячный «отпуск» в лугах.

Тойрер выступает на международных соревнованиях по 8—10 раз в году, не считая национальных турниров.

Отвечая на пресс-конференции на вопросы корреспондентов, олимпийская чемпионка сказала: «Да, мне пришлось преодолеть много препятствий, чтобы приехать в олимпийскую Москву. Но моя цель принять участие в этом всемирном празднике спорта придавала мне силы. Я счастлива, что приехала. И знаете, я до последнего момента не верила, что выиграла эти соревнования, слишком сильны были соперники, особенно советские всадники. Они показали мастерство мирового класса, и лишь когда я увидела на табло итоги своего выступления, я поняла — это победа!

Мне все в вашем городе очень нравится, — сказала в заключение чемпионка. — И конечно, прекрасный спортивный комплекс, где проходили соревнования по конному спорту. Они были отлично организованы, наши верные друзья и соавторы — кони — были окружены теплотой, заботой. Спасибо организаторам».

Результат Тойрер был 1370 баллов. Места со второго по четвертое заняли советские спортсмены: Ковшов — 1300 баллов, Угрюмов — 1234, Мисевич — 1231.

В пятерке сильнейших оказалась еще одна женщина — Кира Кирклюд из Финляндии на лошади Пикколо.

Как видим, Вера Мисевич в личном зачете выступила намного лучше, чем в командном.

До 1980 года Мисевич чемпионских титулов не имела. Она могла только довольствоваться лестными эпитетами вроде «самая элегантная всадница». И они доставались ей по праву: Вера — стройная, светловолосая, с большими голубыми глазами девушка. Недаром она попала в поле зрения кинорежиссеров и стала сниматься в фильмах. На счету у Веры оказалось больше ролей, нежели у некоторых профессиональных актеров. Зато конный спорт едва не лишился талантливой амазонки.

— Вот и балет я бросила, — говорит Мисевич и напоминает, что окончила хореографическое училище. — Впрочем, выездка тот же балет, только на лошади. Вообще конный спорт позволил сконцентрировать все мои увлечения и страсти: любовь к животным, изящным движениям, стремление к соперничеству, желание побед. Да и те роли, которые я получала в кинематографе, тоже ведь были так или иначе связаны с верховой ездой.

Оказавшись на перепутье, Вера выбрала конный спорт, лишь став работать с Плотом. С этой великолепной лошадью она не расставалась девять лет, именно Плот и принес ей высшую награду Московской олимпиады.

Идеал амазонки для Мисевич — чемпионка Московской олимпиады Элизабет Тойрер. Вере нравится, как она удивительно тонко находила контакт со своим питомцем — знаменитым Мон Шери, который был отлично выезжен и безукоризненно выполнял все элементы выс-

шей школы. «У Элизабет есть чему поучиться», — говорит Вера.

Став олимпийской чемпионкой, она не считает, будто достигла всего. «Скорее наоборот, — говорит Мисевич. — На каждых соревнованиях я должна «отрабатывать» свою медаль. А это, пожалуй, труднее, чем ее завоевать».

...Вот уже семь десятилетий — с 1912 года — состязаниями всадников завершаются Олимпийские игры. Розыгрыш Большого олимпийского приза по преодолению препятствий на личное первенство, проводимый в последний день Игр, становится как бы частью их торжественного закрытия. Проходит этот турнир, как и само закрытие, на главном стадионе Олимпиады. Такова традиция. И, естественно, так было и на Московской олимпиаде.

Впервые за время Игр-80 конники покинули Битцу, переехав на стадион имени В. И. Ленина. И впервые в истории этого стадиона дирекция предоставила прекрасное футбольное поле конюристам, украсив его декоративной зеленью и цветами и оборудовав маршрут с препятствиями.

Этот день стал настоящим праздником конного спорта. После того как были разыграны олимпийские награды, свое высокое искусство демонстрировали призеры Московской олимпиады в состязаниях по высшей школе верховой езды во главе с новой олимпийской чемпионкой Э. Тойрер.

Задолго до начала соревнований стадион был полон. Более ста тысяч зрителей пришли сюда полюбоваться предстоящим ристалищем. И они не ошиблись в своих ожиданиях. Спор за победу шел отчаянный.

В итоге двух гитов обладателем золотой медали стал польский всадник Ян Ковальчик на коне Артемо́ре. Он вышел на первое место с 8 штрафными очками. В упорной борьбе немного ему проиграл Николай Корольков, который прошел маршрут тоже с 8 штрафными очками, но на 6 секунд медленнее, за что имел дополнительно 1,5 штрафных очка. Он стал серебряным призером. Бронзовая медаль в результате перепрыжки досталась спортсмену из Мексики Пересу Эрасу Хоакину на коне Аллимонни.

* * *

Олимпийский чемпион Ян Ковальчик родился в рабочей семье. Недалеко от его дома в городе Драгомышле была конюшня, и он с детства научился ездить верхом.

В 1961 году, переехав в Варшаву, начав военную службу, стал членом спортивного армейского клуба «Легия», в котором продолжал заниматься верховой ездой под руководством тренера Виктора Олендзкого.

Одиннадцать раз выигрывал чемпионаты Польши по конкуру и дважды — по троеборью. С 1972 года — заслуженный мастер спорта ПНР. Московская олимпиада была для него уже четвертой, здесь он впервые стал победителем в индивидуальном зачете.

Выступал на одиннадцатилетнем гнедом жеребце Артемо́ре, которого тренирует дважды в день: утром — на управление и укрепление мускулатуры и связок, прыжки на 120—140 см и один-два — на 150 см, вечером — часовой моцион в руках или под седлом.

Олимпийский высший успех пришел к нему почти через четверть века занятий конным спортом.

* * *

Погасли в небе сказочные огни прощального фейерверка, отзвучала лиричная песенка о медвежонке Мише, перевернута еще одна страница олимпийской истории, в которую советские всадники вписали свои имена, завоевав на XXII Олимпийских играх 3 золотые, 3 серебряные и 2 бронзовые медали.

Родина высоко оценила их успех. Указом Президиума Верховного Совета СССР ряд спортсменов-конников и их тренеров был удостоен высоких правительственных наград: орденом Дружбы народов награжден В. Угрюмов, «Знак Почета» — А. Блинов, Ю. Ковшов, Н. Корольков, В. Погановский, Ю. Сальников, В. Чуканов, медалями «За трудовую доблесть» — В. Волков, «За трудовое отличие» — В. Асмаев, В. Мисевич. Из тренеров орденом «Знак Почета» награжден С. Мурсалимов, медалью «За трудовое отличие» — В. Мишин, А. Евдокимов, А. Жагоров, П. Деев, А. Ковшов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК ЧЕЛОВЕКА	5
ОТ ВТОРЫХ ДО ШЕСТНАДЦАТЫХ	17
ОХ УЖ ЭТО ПИАФФЕ...	34
КОННЫЙ СПОРТ В СССР	45
ОСТОРОЖНО: В САМОЛЕТЕ ЛОШАДИ!	61
НА РАВНЫХ С МУЖЧИНАМИ	85
ОЛИМПИАДА В МОСКВЕ	97

Виктор Сергеевич Бабкин

АБСЕНТ, ИХОР И ДРУГИЕ

Редактор **Л. П. Орлова**
Художественный редактор **Б. Н. Юдкин**
Технический редактор **В. Д. Коннова**
Корректор **Г. М. Ульянова**

ИБ № 3107

Сдано в набор 10.01.83. Подписано в печать 14.10.83.
А01459. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 2. Гарни-
тура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88.
Усл. кр.-отт. 6,20. Уч.-изд. л. 5,85. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 256. Цена 45 к. Изд. нид. ОИ-66.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.